

[Polaris]

ЖЕЛТЫЙ МРАК

Альманах приключений

Salamandra P.V.V.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

XIII

Salamandra P.V.V.

ЖЕЛТЫЙ МРАК

Альманах
приключений

Salamandra P.V.V.

Желтый мрак.

Желтый мрак: Альманах приключений. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2013. – 82 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. XII).

Новый выпуск серии «Polaris» представляет собой факсимильное переиздание редкого приключенческого альманаха «Желтый мрак», впервые увидевшего свет в 1927 г.

В книге читатель найдет рассказы и повести о Гражданской войне, воспоминания о пленении адмирала Колчака и авантюрный рассказ А. Филимонова «Хитрость Иеремии Поккера». Особый интерес представляет остросюжетная повесть А. Сытина, давшая название альманаху и рассказывающая о контрабандистах и торговцах опиумом в Средней Азии.

АЛЬМАНАХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ЖЕЛТЫЙ МРАК

Московское товарищество
писателей

Адрес редакции и конторы:
Москва, Б. Полянка, 12.

СОДЕРЖАНИЕ

А. СЫТИН — Желтый Мрак. Повесть.

А. ИРКУТОВ — Один неизвестный. Рассказ.

А. ФИЛИМОНОВ — Хитрость Иереми Поккера. Рассказ.

НИКОЛАЙ ЛОВЦОВ — 18 дней Чумы. Повесть.

ИВАН НОВОКШОНОВ — Как был задержан Колчак.

Воспоминания.

Рисунки и обложка художника К. М. ГОЛЬШТЕЙН

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„МОСКОВСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ“

Москва, Б. Полянка, 12. Тел. 85-51.

Всеv. Рязанцев. СЛЕПЦЫ. Повесть.

Стр. 182. Ц. 1 руб. 50 коп.

Автор с большим знанием изображает загадочный для нас быт и психологию слепых, резко проводя грань между миром зрячих и миром слепцов. Действие происходит в эпоху разрухи и голода; слепых перебрасывают из одного интерната в другой, не считаясь с их настроениями, что порождает в них ненависть к зрячим и приводит к жестокому бунту, который заканчивается их поражением.

Мих. Волков. БАЙКИ АНТРОПА. Рассказы. Стр. 192. Ц. 1 р. 25 к.

Волков... подлинный писатель. Его язык богат и красочен... „Байки Антропа“ — это целая серия „Моментальных снимков“ сказового характера, отражающая старый и новый крестьянский быт с тонкой, добродушной пролиней и глубокой, органической любовью к деревне... „Вечерняя Москва“ 16 III—1926. № 61.

... Здоровая, жизнеутрачивающая книжка... Отметить надо хороший диалог в рассказах — главное их выигрывающее место. Книжка живая, даже веселая, но без мешанского лубочества. „Жизнь искусства“ № 48, 30/XI, 1926 г.

Н. Афрамеев. БЕСПОКОЙНЫЕ. Повесть.

Стр. 176. Ц. 1 р. 20 к.

В книге рассказывается трагическая судьба мальчика Мишки, ушедшего с матерью из под гнета отца-сапожника, кустика старого заката. Живо зарисован быт пионеров, их борьба с косностью и пороками взрослых, приводящая робкого Мишку к бегству, к знакомству с беспризорными и, наконец, к смерти от руки отца. Кроме повести, в книге заключается крымский рассказ, оригинально разрабатывающий тему о двойнике, и рассказ из истории борьбы кооперации и частной торговли.

Гавлант № 90.105.

Тираж. 15.000

Отп. в 7-й типографии „Искра Революции“ Мосполитграф, Москва. Арбат, Филин, пер. 11.

ЖЕЛТЫЙ МРАК

ПОВЕСТЬ А. СЫТНИНА

Глава I.

Гладкий рыжий пес жадно лакал кровь из железного таза. Снаружи свежевали тушу барана. Огромный костлявый пограничник в зеленой гимнастерке и синих галифе лежал на шелковом одеяле и задумчиво смотрел на огонь.

Дреющие, мохнатые ветви можжевельника трещали на очаге посреди юрты. Седые нити сгорали и свивались золотой проволокой. Блестки искр плыли в отверстие потолка и таяли в белом дыму.

Пограничник оперся на локоть и прислушался: рядом с его головой послышалось легкое царапанье. Детский голосок тихо проговорил за легкой войлочной стеной юрты.

— Буда! Ты слышишь?

— Да!— тихо ответил пограничник.— Это ты, Калыча?

— Уезжай скорей! Из Китая идет большая контрабанда. Я оседлаю тебе коня.

— Не надо!— спокойно сказал Буда.— Позови Джанмурчи.

— Я боюсь! Его убьют!

— Позови скорай, а то нас убьют обоих!

— Хош (ладно).

Буда опустился на одеяло и отстегнул кабуру нагана. Полог юрты поднялся. Вошедший киргиз опасливо оглянулся и остановился. Его тревож-

ные, бегающие глаза сразу зорко оглядели всю юрту. Он повел носом по воздуху и всхлипнул. Эта привычка была у него от Гашиша. Угловатые худые плечи и длинное лошадиное лицо склонилось к Будаю.

— Командир, Калыча тебе сказала?

— Я знаю! Я приехал в гости, чтобы следить. Не бойся, до заставы близко.

В юрту вошла девочка. Она была в желтом бархатном халате. Серый мех выдры окаймлял фиолетовую бархатную шапочку. Полсотни косичек шнурков стучали караллом и серебром. Смуглое розовое лицо ее было спокойно. Черные блестящие брови, равнодушный плутовской взгляд и пухлый рот делали ее красивой.

— Ну ты, бесенок! Что ты нас пугаешь?— спросил Буда.

— Сейчас придет отец!— сказала девочка и убежала из юрты.

— Она говорит правду,— ответил киргиз.— Нельзя варить в одном котле две головы. Это закон. Ты начальник границы, живешь в одной юрте с отцом контрабанды.

— Джанмурчи!— ответил Буда.— Шесть лет мы его ловим. Сегодня он будет наш.

— Командир! Ты много захватил опия на перевалах. Никто не знает. Ты знаешь. Весь опий был Байзака. Зачем тебе с ним ссориться? Ты думаешь так много, как старик. Скоро твоя голова будет белая.

— До вечера далеко. Ты приведешь с заставы целый эскадрон.

— Сядь!

Джанмурчи сел.

— Ты спас меня под перевалом, когда я был контрабандистом. Помнишь, Буда? Ты меня накормил и оставил мне мои желтые рубины. Те-

перь ты сватаешь мне Калычу. Я верен тебе как пес.

— Зачем ты говоришь все это?

— Будай! Байзак большой человек. Он председатель горсовета.

— Вот поэтому я и хочу посадить его в подвал, — ответил Будай.

За юртой раздался гомон. Кто то прыгнул с коня, и в юрту вошел рослый чернорожий солдат.

— Здорово, Саламатин! — сказал Будай и принял пакет. Он распечатал его, пробежал глазами бумагу и нахмурился.

— Сегодня я занят и назад не поеду!

— Разве я могу скучать, когда ты у меня в гостях?

— Товарищ начальник! Просили передать на словах, что никак невозможно!

Будай долго смотрел на огонь и наконец сказал:

— Ладно! Я дам тебе записку на заставу. Вези в карьер. А ты поедешь со мной.

Джанмурчи поклонился. Толстый киргиз заглянул в юрту.

— А-а! Байзак! — приветливо проговорил Будай. Они ласково поздоровались и сели к огню. Красноармеец и Джанмурчи вышли.

— Ну как живешь, Байзак? Тебе не скучно? — спросил Будай.

— Разве я могу скучать, когда ты у меня в гостях? — любезно проговорил Байзак.

Оба хитро заглянули в глаза друг другу и рассмеялись.

— Я сейчас уезжаю! — сказал Будай. Байзак сделал испуганное лицо.

— Ты сегодня ничего не ел! Бердыбай! Юсуп! Джавивай!

Юрта наполнилась народом, и Байзак приказал подавать чай и мясо.

— Джанмурчи! седлать лошадей! — закричал Будай. Он выпил сливок, съел кусок мяса и попрощавшись с Байзаком, вышел.

— Эти люди поедут сзади! — и Байзак указал на целую толпу всадников в халатах и острых шапках. — Начальник границы не может ехать один, как бешара (бедняк). Потом он подал Будая

стремя, и, пожав друг другу руки, враги снова насмешливо взглянули друг другу в глаза.

Не глядя ни на кого, Будай тронул коня. В душе он проклинал всех и вся. За шесть лет службы не было никаких ревизий. Именно сегодня кого-то принес дьявол. Надо ехать назад. До города было верст пятьдесят. Будай рассчитывал поспеть до

вечера. Пустил галопом коня. Лошадь с легкостью танцовщицы пронесла ноги меж острых камней. Будай покачивался в седле и думал о Байзаке. Шесть лет он боролся с безликим врагом. Он чувствовал его повсюду. Единая воля предусматривала каждый его шаг. Шесть лет он громил на перевалах банды Байзака. Сегодня он должен был его уличить. Контрбанда из Китая пройдет через становище Байзака. Другой дороги здесь нет. Но эта последняя победа будет без него.

Тропа змеею спустилась в долину. Всадники окунулись в траву высокую, как камыш. Зеленый сумрак охватил их со всех сторон. Стебли стегали и царапали по всему телу. Коня прыгали через невидимые канавы. А Будай все думал и думал:

— Саломатин доехал. На заставе тревога. Седлают, как ошалелые.

Будай не заметил, как прошел день и опомнился только у своего дома. Едва успел он войти в дом и зажечь лампу, в дверь постучали.

— Войдите!— сказал Будай.

— Вы товарищ командир полка?— спросил незнакомец в военной форме.

— Я,— ответил Будай.

— Прочтите!

Будай пошел к столу. Это было предписание об обыске. Будай выпрямился.

— Я ишу парчевый халат!— сказал человек, стоя в темном углу. Он предъявил свои документы. Потом странно улыбнулся и сказал.

— Я без понятий. Я вовсе не хочу делать скандала.— А, да вот он самый,— и посетитель протянул руку к гвоздю.

— Этот халат приподнесен мне публично!— сказал оскорбленный Будай.

— Я знаю только то, что он был предъявлен раньше!— холодно ответил следователь.

— Посмотрите! Вот моя метка!— Тут он протянул вторую бумагу. Это было заявление о взяточничестве Будая. Командир полка увидел, что вместо подписей за неграмотностью, полсотни его почитателей прилепили свои пальцы.

— Ваш помощник примет ваши обязанности.— Сдержанно поклонился следователь и вышел из комнаты. Будай, не помня себя, без шапки выбежал на улицу и направился к помощнику. В комнате разлился желтый полумрак. Оплывшая свеча мерцала, освещая троих людей. Их позы и лица говорили бы для изображения молчаливого отчаяния. На диване сидела женщина. Она обхватила колени руками и неподвижно смотрела в черный исчезающий потолок. Она молчала, но ее большие зеленые глаза казались слепыми от слез. Другая женщина сидела у стола. Она уставилась на огонь не мигая, без движения смотрела на свечу. Пламя колебалось каждый раз, когда ходивший по комнате маленького роста человек доходил до стола. Он шагала четко и размеренно, как маятник. Шпоры звенели, как будто отбивали секунды. Будай молча огладелся и тихим комом опустился

в темный угол дивана. Его лица не стало видно. Только большая спина горбом выставилась из темноты. Маленький кавалерист упорно шагала из угла в угол, помахивая большой трубкой. Около часа продолжалось молчание.

— Да не молчите! Не молчите же вы! Кондратий! Перестань ходить по комнате.— Звон шпор продолжался. Кавалерист как будто не слышал. Вслед за ним попрежнему плыли белые клубы дыма. Будай поднялся с дивана и выпрямился во весь свой могучий рост.

— Кто скажет, что я человек нечестный?— громко сказал он, но ему никто не ответил. Шагавший по комнате кавалерист прошел мимо.

— Будай! Три года мы живем на границе,— раздался печальный голос с дивана.— Три года ты был начальником участка. Ты умен. Ты честен. Мы жили, как одна семья. А теперь ты обвинен во взяточничестве? Будай!..— Ее голос, прозвучал, как жалоба ребенка. Великан долго молчал, потом заговорил глухо и спокойно:

— Я рад, что моя канитель окончилась,— устало и безнадежно проговорил он.— Я устал. Пять лет я ходил здесь между ловушками и капканами.

— Я вам говорю, что за мной охотились пять лет. Я шел за отцом контрабанды осторожно, как за тигром. Но тигр шел по моим следам. Это бывает. Как я ни оглядывался, все-таки нападение произошло сзади. Что делать? Это тоже бывает.

— Но ведь это ложь! Это все ложь!— закричала блондинка у стола.— Объясни им, что вся эта жалоба только гнусная клевета.

— Больше пятидесяти свидетелей!— коротко заметил маленький кавалерист. Он проговорил эти слова таким безразличным голосом, каким докладывал Будай об убитых в раз'езде. Будай снова заговорил.

— Со мной пытались играть в кости. Пробовали втянуть меня в пьянство. Я только теперь узнал, что опереточная актриса из Москвы была написана только для меня.— Он горько засмеялся и продолжал.

— Я был мальчиком, которого хотели развратить!

— Или монахом! Недаром тебя зовут Антоний! — сказал Кондратий. Глухо, как будто думая про себя, Будаи заговорил безразличным голосом.

— Будь это в начале моей службы, я бы так легко не попался. Но я устал. Отец контрабанды с глазу на глаз предложил мне примирение. И позвал в гости. Я не думал, что он нарушит шариат. Он обещал прекратить свою деятельность. И я от моей великой усталости подумал, что это возможно.

— Ну, а дальше? — перебила его жена, подняв к огню заплаканное лицо.

— Я пошел к нему в гости. Их было человек пятьдесят. Меня встретили с почетом. Кланялись в пояс. Я терпел всю эту комедию. Потом на меня набросили парчевый халат. Я его снял. За мной понесли его в дом. Год назад халат был пред'явлен в центре. Гости были только свидетелями.

— Зачем ты пошел к ним? — спросил Кондратий.

— Было подано несколько жалоб о том, что я презираю местные обычаи, — ответил командир полка.

— Позови сюда следователя, — храбро проговорила жена Кондратия.

— Чтобы скомпрометировать его? — спросил Будаи и кивнул на своего помощника.

— Ну?! — насмешливо сказал кавалерист.

— Кондратий! кого ты ловишь? — спокойно спросил Будаи своего помощника.

— Контрабандистов? — удивленно ответил Кондратий.

— Кто занимается контрабандой?

— Бедняки, которые работают на проценты.

— Кондратий! Кто ими руководит?

— Мелкие собственники.

— А ими?

— Будаи, ты одурел. Ты везде видишь заговоры.

— Кондратий! Я не одурел: ими руководит предгорсовета Байзак.

— Ты, может быть, пьян? — спокойно возразил Кондратий.

— Нет, я не пьян. Байзак подал жалобу о халате. Сегодня я видел его подпись. Учись у него расчету. Меня сюда провожали родственники Байзака. Я думал, что это любезность, нечто вроде почетной свиты. Ты ведь

знаешь обычаи? Но это был конвой, чтобы я не убежал. Они провожали меня к следователю. Сегодня я должен был арестовать Байзака по обвинению в контрабанде. Сейчас к нему пришел целый караван из Китая. Саламатин ранен. Я послал его за эскадром.

Кондратий протяжно засвистел вместо ответа. Он встал и зашагал из угла в угол. В комнате разлилось неприрываемое молчание.

Глава II

Маленького роста, тоненький и чрезвычайно опрятный Кондратий сидел, уставив на киргиза свое, чуть красное, обожженное горным солнцем лицо. Джанмурчи с уважением следил за его медленными движениями. Он знал, что они могут стать быстрыми, как у змеи и сохранить свою точность. Никто не знал его административных способностей. Однако теперь Джанмурчи видел упорные зеленоватые глаза, которые понимали все с полуслова.

— Командир! Будаи, как будто убит. А ты стал вместо него. Мне очень жалко Будаю. Он мне спас жизнь.

— Дальше? — перебил командир.

— Я пришел сказать тебе, что вошло в мою глупую голову.

— Говори!

— Какой опий есть — это все Байзак! Джанмурчи с опасением оглянулся, сел на стул и стал говорить вполголоса.

— Байзак бай (богач). У Байзака толстый карман и длинные руки. Байзак манап имес (не аристократ). Если он будет бедный человек, которого он обидел, каждый на него пожалуется.

— Разве можно разорить Байзака? — быстро спросил Кондратий.

— Из?! — ответил Джанмурчи. Он был восхищен быстрым умом нового командира.

— Тогда больше не будет контрабанды. Я поеду на Каркару. Там яр-

марка. Ты приезжай ко мне завтра. Я соберу маслагат (совещание)— закончил он и встал с места.

— Там торгуют коровами и баранами. Зачем я поеду на ярмарку?— спросил Кондратий.

— Там у Байзака много денег,— таинственно прошептал Джанмурчи.

— У него шайка?— перебил Кондратий.

— Тсс! тыра командир!— сказал Джанмурчи.— Я все сделал. Ты найдешь мою юрту. Завтра я жду тебя в гости.— И приложив палец к губам, он вышел, не прибавив ни слова. Как только вышел Джанмурчи, вошли обе женщины. Ольга шумела шелковым платьем и внимательно смотрела своими зелеными глазами. Марианна дерзко спросила.

— Ну что же ты будешь делать теперь?— Взбешенный кавалерист уставился на нее неподвижными прозрачными глазами. Обе женщины невольно попятнулись.

— Уйдем от него! Видишь, какой он злой!— мурлыкающим голосом проговорила Ольга, щуря свои кошачьи глаза. Кондратий молча встал и направился к двери.

— Я вернусь послезавтра!— небрежно бросил он через плечо.

— Вот он всегда так,— мягко сказала Ольга.— Так с ним ничего не поделаешь. Ему надо советовать осторожно и между прочим...

— Где он пропадает?— перебила Марианна и, не дождавшись ответа, заломила руки.

— Ты знаешь? Будаи стал курить опий.

— Ведь следователь не возьмет его с собою в Пишпек?— осторожно спросила Ольга.

— Да!— истерически рассмеялась Марианна.— Сперва Джанмурчи пришел с ножом, привел какого-то лавочника. Лавочник пришел, чтобы в присутствии следователя отрезать Джанмурчи голову. Так он хотел поручиться за Будая. Потом Кондратий взял его на поруки.

— Послушай, Мариана! Зачем Джанмурчи зовет Коку на ярмарку?

— Я не расслышала, но хотела бы поехать.

— Так мы поедem кататься в ту сторону!— ласково сказала Ольга. Ма-

рианна бросилась ей на шею. Потом обе стали говорить о мести. Неделю назад Джанмурчи предложил им зарезать Байзака. Марианна была в восторге, но Ольга стала просить проводника сделать так, чтобы Байзак зарезался сам. Джанмурчи долго смотрел, вытаращив глаза, потом задумался и молча вышел из комнаты. Теперь они говорили об этом и думали, где проводит дни и ночи Кондратий. Ни его, ни Будая не было целыми неделями. Наконец, к утру они улеглись. Перед рассветом Ольга приказала седлать лошадей. Засветло подружки сделали около тридцати верст и утром были на Кар-Каре. Ярмарка была в разгаре. На несколько верст

Взбешенный кавалерист уставился на нее неподвижными прозрачными глазами.

растянулась конная сутолока. Огромные пегие быки протяжно ревели и проходили по долине. Тонкорунные бараны шли тесным стадом. У каждого сзади раскачивался курдюк, похожий на подушку. На свободные пространства долины вторгались целые табуны полудиких лошадей. Целыми неделями пробирались они по наклонным карнизам над пропастями, и теперь их ждал отдых.

Недалеко от чайханщика стояла одинокая богатая юрта. Ее опасались и об'езжали. Вот уже две недели, как сюда заглядывали со всей ярмарки люди в очках. У киргиз превосходное зрение. Киргизы убеждены, что наука портит глаза. Поэтому каждый темный делец покупает очки. Очки — это реклама, вывеска, диплом. Люди в очках днем и ночью под'езжали к этой юрте. Они никогда не собирались вместе. Замешанные по всякую уголовшину,

они боялись друг друга. Из Китая и Киргизии, из Ферганы и Кашгара, дунгане, узбеки, киргизы в очках постоянно являлись в юрту.

К полудню, в толпе около юрты заужужал тревожный говор. Поперек всей толпы, с другого края поля медленно пробивался всадник. Ему давали дорогу. Это был Кондратий. Он был в зеленой форме пограничника. Не глядя ни на кого, он подехал к юрте, бросил повод красноармейцу и вошел внутрь. Джанмурчи сидел с каким-то смуглым пройдохой в черных очках. Они пили кумыс, развалившись на шелковых подушках. Когда командир полка вошел, Джанмурчи встал.

Казы обманули. Один плохой человек уговорил Казы тайно посеять опиум.

— Сегодня будет совещание мудрых!— сказал он.— Казенный карман не имеет дна. Но мне они не верят и потому каждый хочет говорить с тобой.

— Все зависит от них самих,— неторопливо проговорил кавалерист.

— Он хотел рассказать тебе про Байзака,— сказал Джанмурчи.

— Какого Байзака?— удивленно спросил кавалерист и тут же резко добавил:

— Если он будет врать, он сядет за решетку. Понятно?

— Зачем я буду врать?— вкрадчиво заговорил человек в очках.— Я буду говорить правду, только скажи, что мне за это будет?

— Третья часть!— коротко отрезал Кондратий.

Алчность искривила рот дунганина.

— Третья часть опиума?— переспросил он, поблескивая стеклами очков.

— Нет! Ты получишь деньгами. О! Мудрый!— ответил Джанмурчи. Потому что опиум все продают в контрабанду.— Дунганин молчал. Потом, как бы решившись, он уставился черными стеклами очков на Кондратия и подбостранно заговорил:

— На ярмарке есть большая, большая курильня опиума. Уф! Хорошая курильня. Только моя боиса, Байзак большой человек.

Кондратий поднял брови.

— Не говори про Байзака. Говори про курильню.

— Там десять—пятнадцать пудов опиума. Я ему рассказывал, — и человек в очках показал на Джанмурчи. Кондратий кивнул головой. Проводник и его гость стали шептаться. Джанмурчи встал:

— Хорошо! Привезешь на базар, получишь третью часть.

Дунганин взглянул на пограничника, ожидая подтверждения.

— Да! Да!— сказал

Кондратий, и человек в очках поспешно вышел из юрты.

— Еще-ктонибудь будет?— спросил он Джанмурчи.

— Да! мы весь день будем советовать с мудрыми,— спокойно и мстительно сказал Джанмурчи. В юрту вошел, поворачивая во все стороны голову, как волк широколицый киргиз. Его глаза также были закрыты очками. Джанмурчи приветливо встал ему навстречу. Кондратий с тайным отвращением пожал потную, липкую руку.

— Казы плохо поступили со своими деньгами,— сказал Джанмурчи,— и потому хочет посоветоваться с тобой.— Кавалерист приветливо улыбаясь, Джанмурчи продолжал:

— Казы хороший человек!

Новый посетитель фальшиво засмеялся, кивнул головой на тонкий войлок юрты, который их окружал и попросил не называть его так громко по имени. Джанмурчи лъстиво осклабился, приложил руку к груди и закивал головой.

— Казы обманули. Один плохой человек уговорил Казы тайно посеять опий. На разных местах в горах они посеяли десять десятин. Тот человек обещал Казы четвертую часть. Но теперь Казы видит, что он поступил плохо. На этот посев нет разрешения. Сбирать опий придется тайно. Надо отправлять его в контрабанду. Казы не хочет попасть в тюрьму. Он услышал, что ты даешь третью часть за каждый найденный опий или посев. Казы хороший человек. Он видит, что его обманули. За те же самые деньги, он может получить не четвертую, а третью часть. Поэтому он все скажет, и ты уничтожишь посевы, у которых нету хозяина и разрешения.

— Десять десятин? — переспросил Кондратий, — ведь это целое состояние.

— Десять, ответил по русски Казы.

— Пускай придет в таможену и получит деньги! — сказал кавалерист. — Но перед этим пусть укажет все посевы.

Казы торопливо поблагодарил, встал и исчез из юрты.

— Джанмурчи! Ты молодец! — сказал Кондратий.

— Командир! Я буду мстить за Будаю! — торжественно проговорил киргиз.

— Посажай теперь домой! Там к тебе придут другие шакалы. За деньги они расскажут тебе все! Их так много, что они разорвут на части отца контрабанды. О! О! Будаю! Будаю!

Кондратий погладил Джанмурчи по лицу, вышел и сел на коня. Красноармеец ехал сзади и посвистывал от удовольствия. По толпе шел говор.

— Кок уру! Кок уру! (Зеленая оса) — Кондратий уже был знаменит и имел прозвище. Недалеко от конского базара слышались такие крики, что долетали даже сюда. Там шел разгром курительни опия.

— Что, Саламатин, как твое плечо? — спросил кавалерист, обернувшись в селле.

— Ничего! Спасибо! — бодро ответил солдат.

В это время почтительный ропот пролетел по толпе, и она широко расступилась. Навстречу Кондратию медленно ехал Байзак. Он приветливо улыбался, хотя его лицо было желтым от ярости.

— А вот и контроль едет! — сказал Саламатин, указывая глазами на Байзака. — Только немножко поздно, — насмешливо добавил он. Кавалерист оглянулся. Там где был Джанмурчи, как на пожаре работали люди. Они разбивали юрту и грузили ее на верблюдов. Кондратий приветливо поздоровался и заговорил, чтобы дать Джанмурчи скрыться.

— Хорошая милосия! Поймал много опия, — сказал Байзак, пытливо заглянув в глаза командиру полка. Прижав руку к сердцу, он ласково закивал головой, пробормотал проклятие и повернул коня в толпу. Но сбоку раздался хохот. Байзак оглянулся, как тигр. Жена Будаю хохотала ему в лицо. Отвернувшись, он тронул коня, а Кондратий побелел от бешенства.

— Зря! Зря! — неодобрительно проговорил Саламатин. — И зачем это бабы лезут? Нешто можно женщине на себя гнев такого зверя принимать? — и покачав головой, он тронул коня за командиром.

На другой день на крыльце опийной конторы была сплошная толпа. В комнате перед барьером сгрудились плантаторы. Острый запах конского пота и сырой дурман опия не давал дышать. За низенькими столами, выбиваясь из сил, работали весовщики. Кувшины, банки, тазы, кружки, наполненные вязким коричневым тестом, стояли на барьере и колыхались в целом лесе поднятых рук. Гам стоял такой, что в голове звенело. Казалось, контора подверглась нашествию монголов. Кричащие ватаги вторгались одна за другой в набитую комнату. Полосатые цветные халаты лезли один на другой. Над барьером был ряд монгольских лиц, как в картинной галлерее. Коричневые и черные, скуластые с узкими заплаканными глазами. Они смеялись, кричали и улыбались. Опрокинутые назад лбы, приплюснутые носы на широких лицах, вдавленные в жирные щеки и лукавые, сверлящие глаза смотрели на весов-

щиков. При каждой улыбке узкие, косо прорезанные глаза заплывали и исчезали. Веса непрерывно стучали. Когда выкрикивали фамилию, промокшие от пота расписки, с расплывшимися кляксами, падали на стол и заносились в журнал. Мокрая от пота спина весовщика вчесунчевой рубашке выпрямилась. Ошалевший приемщик злобно посмотрел и проговорил.

— От этой проклятой жары и опия наверно кто-нибудь сегодня изберется.

— Сегодня принято тридцать пудов! — послышался глухой ответ соседа. — Ведь дневной сбор надо принять. За пятьдесят-шестьдесят верст везут. Деньги-то нужны. Не примем, все к чорту, а контрабанду уйдет.

— Это уж как водится!

Кандратий быстро вошел в комнату. Сзади него шел Джанмурчи.

— Не бойся! Мы еще не опоздали! — сказал проводник и достал из рукава длинную бумагу, покрытую мусульманскими нероглифами.

— Вот, командир, зубы моих шакалов! — сказал он пробегая глазами список.

— А-эх! — закричал кто-то у барьера. Растолкав толпу, чьи-то руки протянули ведерную банку опия.

— Атын нема (как фамилия)? — устало прокричал приемщик.

— Арсланбек! — ответило черное лицо.

Грязная коричневая рука с блестящим алюминиевым кольцом протянула расписку. Джанмурчи быстро провел пальцем по бумаге, и повернувшись к Осе, сказал:

— Дробь!

Командант быстро запустил руку и вытащил горсть мелкой ружейной дробы.

— Гохта! (стой) — Арсланбек появился, чтобы скрыться в толпу, но на него в упор глядело дуло револьвера.

— Атын нема? — грозно переспросил комендант.

— Юсуп! Юсуп! — с хохотом ответила толпа. Командант улыбнулся. Неизвестно откуда взявшийся милиционер увел Арсланбека. Приемка на всех столах продолжалась.

— Джанвай! — сказал за другим столом приемщик, — отчего у тебя так мало? У тебя ведь две десятины?

— Все мое тесто смыло дождем.

Джанмурчи улыбался и смотрел в свой список. Джанвай со страхом следил за его пальцем.

— Ты врешь. — спокойно сказал приемщик. — Дождя не было.

— Ну, значит, был только ветер. Головки мака стучали и все тесто упало на землю. У меня есть бумага. Многие люди видели этот ветер. Вот здесь они приложили бармаки (пальцы).

— Куда поехал твой ветер с твоим опиумом, о, Джанвай? — спросил Джанмурчи. Ответа не последовало. Джанмурчи что-то сказал Осе. Снова раздался свисток и снова появился милиционер.

— А вот я их обоих сюда запишу, голубчиков! — угрожающе сказал приемщик. — В будущем году не получат разрешения на посев. — Потом он положил книгу, вытер пот со лба и обратился к Осе:

— Сегодня чертовский день! Приводили барана в подарок. Не успел прогнать, притащили кумыс.

— Надеялись, что при скандале вы засуетитесь и примете опий с дробью.

Потом он отшел в сторону приемщика и что-то быстро стал говорить вполголоса.

— Невозможно! Совершенно невозможно! — густым басом отвечал приемщик. — Для этого надо десяток рабочих. Это, конечно, надо сделать. Но людей у меня нет. Они заняты в сушильне.

— Командир, — сказал Джанмурчи, — я долго думал. Возьми большую палку.

Секунду Оса напряженно, с недоумением, глядел на Джанмурчи. Потом улыбнулся и быстро проговорил:

— Недурно! Вот список фальшивых доверенностей. Придут на-днях. Арестуйте всех. — Он подал список Джанмурчи. Потом оба вышли. Они заехали в казарму. Оса приказал захватить побольше веревки и длинный шест. Когда они проехали один квартал, к ним присоединился человек в очках. Пятеро всадников бешеным карьером понеслись за город. Один из красноармейцев вез длиннейший шест. Они промчались около двух часов. Лошади были в мыле. Неожиданно человек повернул за утес и показал рукой:

— Здесь!

— Большие атласные цветы мака, в чайную чашку величиной, казалось, горели цветными огнями под жгучим солнцем. Длинное поле приютилось среди утесов, и его совершенно не было видно. Комендант осмотрел поле в бинокль. Столбов с надписью владельца не было. Посев был анонимный.

— Сколько здесь? — спросил он.

— Отец контрабанды очень торопится! — задумчиво сказал Джанмурчи. — К утру молоко уже потемнело бы и засохло. Завтра он собрал бы все тесто. Нам осталось бы одна трава.

— Три десятины, — ответил человек в очках.

Оса подошел к посеву. Местами мак был готов. Только что здесь вели работу. Созревшие головки были уже надрезаны. Молоко выступило густыми белыми каплями.

— Остальные покажешь? — спросил комендант.

— Хоп. Еще семь десятин, — отвечал человек в очках.

— Косить! — коротко бросил комендант и пошел к лошади.

— Чиво? — недоумевающе спросил молодой красноармеец.

— Дурак — заорал другой — на веревку! Запрягай лошадей. Опять не понимаешь. Это ж дуб, а не человек! Сделай построжку! Привяжи к концу шеста. Вот! А я привяжу к другому! концу дура!

— Золотая голова у тебя, Саламатин, — сказал комендант.

— Еще спрашиваете!.. Гоним. — Кони с места снялись вскачь, длинный шест широкой полосой уничтожал посев. Хрупкие цветы ломались и сгибались к самой земле. Сильный одуряющий запах, наполненный парами морфия, потянул с поля.

— Командир! — сказал Джанмурчи. — Чего тебе?

— Почему ты позволил на ярмарке, чтобы китайские купцы давали мату в задаток контрабандистам? Почему ты не арестовал всех?

Оса задумчиво улыбался. Ему представилось лицо Будая в тот несчастный вечер. Теперь он сам мог дать урок Джанмурчи.

Арсланбек попытался, чтобы скрыться в толпу, но на него в упор глядело дуло револьвера.

— Джанмурчи! Как выливается вино из сосуда? — спросил он.

— Через горло! — с живостью отвечал Джанмурчи.

— А где течет опиум в Китай?

— Через перевалы.

— Правильно! Здесь Байзак может его спрятать. И мы его не найдем. Пусть он течет в Китай. На перевалах мы подставим кружку под вино, которое течет из горла. Понятно?

— Ой-бо-бо! Шайтан! — с восхищением прошептал ошеломленный проводник.

Глава III.

Лодка плыла по синей воде, Иссык-Куль растиался бесконечным черно-синим пространством. Впереди месаами выступали желтые песчаные отмели. Вправо и влево далеко были видны горы. Берегов не было видно. Горы как-будто поднимались из воды. Тяжелая и неуклюжая рыбацья лодка двигалась медленно. Юрта на берегу, позади, белела грибом на сером песке. Будаи медленно греб и с удовольствием слушал скрип весел. Вода стекала прозрачными каплями. Когда он смтрел за борт, были видны камни на дне. Вода была такая прозрачная, что, казалось, дно подымается и опускается при каждом движении воды. Будаи поднял весла и долго слушал звон капель. Теперь он был на месте. Он встал и чуть не упал. Неустойчивая лодка качалась при каждом движении. Будаи лег грудью на борт и стал смотреть в озеро. В прозрачной зелени внизу, на желтом песке, лежали каменные плиты. Будаи долго смотрел на них, потом лениво ударил веслами, и лодка поплыла дальше. С большим волнением он зорко глядел вниз. Обтаявшие стены беззвучно проплыли внизу. Будаи остановил лодку. Она медленно повернулась на одном месте. Большие квадратные тени протянулись внизу по желтому дну в прозрачной воде.

— Где она? Ах, вот! — пробормотал Будаи. Он жадно глядел в сторону, вниз. Из глубины подымалась башня минарета. По углам от нее тянулись тени четырех боковых башен. Дальше виднелись какие-то постройки. Их

желтые стены уходили вглубь, и тени делались все более смутными. Легкий ветер незаметно погнал лодку, и дома внизу стали опускаться в синюю пропасть. Будаи медленно плыл над древним затонувшим городом и, все более волнуясь, глядел, как стены уходят вниз. Вот недалеко под лодкой медленно проплыло ярко-желтое пятно. Это свет солнца сквозь воду падал на купол минарета или вершину башни. Оно исчезло. Черно-синяя, как будто ночная, мгла поглотила все. Будаи вздохнул и взялся за трубку опия. Он сделал несколько глубоких затяжек.

— Бу-ум! Бум! — Будаи слушал. Глухой звон расплывался в воде. Потом снизу стал подыматься городской шум. Где-то слабо в сознании промелькнула мысль об опасности. Как будто кто-то другой сказал ему, что он пьян от опия. Лодка может перевернуться, и он утонет. Тогда он лег на дно лодки. Он так делал всякий раз. Каждый день. Он всегда слушал тихие приказания этого далекого безразличного голоса, потому что он догадывался, что это был он сам. Потом, как и вчера, ему показалось, что лодка все-таки перевернулась. Будаи задыхался. Ему казалось, что он опускается туда, в холодную синюю ночь. Потом сразу стало светло. Он пришел в себя, так легко и прохладно было дышать. Он был здесь совсем недавно. Глиняные стены домов. И небо темнозеленое, как стекло бутылки. Как в прошлый раз, он повернул за угол.

— Ха! Ха! Ха! Старик рассказывает всегда такие потешные истории. Будаи слушал его с большим удовольствием.

— Почему ты опоздал? — говорит старик.

Будаи хочет ответить. Он хочет говорить много, много, но не может. Он пришел слушать, а не говорить.

— Сегодня я расскажу тебе о нашем хане! — говорит старик и Будаи жадно ловит каждое его слово.

— Я расскажу тебе, как погиб город Кой-Сару. Хе! Хе! Это забавная история.

Старик сидит на одном месте. Не двигая ни руками ни ногами, он то отдалывается, то придвигается совсем близко.

— Мы с тобой сейчас находимся в Кой-Сару. На дне большого моря.

Будай хохочет. Этот старик такой потешный. Он всегда прет, но очень забавно.

— В нашем городе царствовал хан,—говорит старик.—Когда он брил голову, цирюльник никогда не возвращался. Никто не знал, куда деваются цирюльники. Ходил слух, что их убивали. В конце концов не осталось ни одного цирюльника. Когда хан нашел еще одного, то после бритья хотел его убить. Цирюльник стал плакать: „Я никому не скажу, только оставь мне жизнь!“ Хан его отпустил. Цирюльник терпел два дня. Ведь не даром говорится: „если хотите сделать объявление, скажите, что это тайна“. Цирюльник знал, что владеет тайной и поэтому ему хотелось объявить ее всем. Он посоветовался с одним мудрецом. Мудрец сказал ему: „Если тебе не терпится, ночью открой крышку городского колодца и прокричи туда свою тайну, только не забудь закрыть крышку. Иначе колодец не будет хранить твоего секрета. Он выбросит его назад. Берегись, чтобы он не выплеснул всю воду вместе с твоей тайной“. Ночью цирюльник пришел к колодцу, поднял крышку и стал кричать: „у нашего хана ослиные уши! Э! Э! Ага! А вот у нашего хана ослиные уши!“ Он кричал во все горло. Он был так рад, что освободился от тайны. Бегом направился он домой. Теперь он мог спать спокойно. Но он забыл закрыть крышку колодца. Жерло колодца не могло хранить тайны так же, как горло цирюльника. Ночью из колодца пошла вода, и мы с тобой теперь на дне моря. Ты слышишь, как ревут бараны? Рыжие бараны на площади? Они скачут без пастбищ. Недаром наш город назывался Кой-Сару (Желтый баран).

Будай хохочет. Ему очень смешно, но он сам чувствует, что его смех стал трагическим. Удушье давит ему горло крепкой рукой. Старик тоже смеется. Его смех, как щекотка. Будай задыхается и хрипит. И вдруг приходит в себя. Он весь в поту. С трудом поднялся он и сел на скамью лодки. Медленно повернул лодку назад к берегу, туда, где стоит юрта.

Перед этим он снова сделал несколько затяжек опия. Он почувствовал, что опять опьянел и стал торопиться. Оглядевшись, он увидел, что провел здесь целый день. Солнце склонялось к закату. Желто-золотые облака плыли по синему небу и по синему озеру.

Будай греб упорно и долго. Погасшее невидное озеро черной пропастью расступалось где-то позади. Будай выпрыгнул и вытащил лодку.

— Антоний! — стройная Марианна с распущенными волосами бежала к нему. Она только что выкупалась. От нее пахло соленой свежестью озера.

— Милый! — Она поцеловала мужа, но заметила, что он еле стоит на ногах и отшатнулась:

— Ты опять накурился? — жалобно проговорила она.

Стало уже совсем темно, и Будай не видел ее лица.

— Идем в юрту, — ласково заговорила она, стараясь сдержать слезы.

Тени костра весело плясали по всей юрте.

— В городе я была в кино, — сказала Марианна. — Так потешно. Они установили во дворе фабричный гудок. Все приходят по гудку. Это единственный фабричный гудок во всем городе. Это напоминает большие города. Он воеет часами, пока все соберутся.

Вдруг она изогнула и вся побелела:

— Будай! Я боюсь! Там кто-то ходит, — прошептала она.

Будай бессмысленно улыбнулся. Марианна встала и, отбросив полог, выглянула наружу.

Вдруг она закричала нечеловеческим раздирающим криком. Две руки просунулись в юрту, обхватили ее, и она исчезла. Будай одну секунду бессмысленно глядел, потом все опьянение сразу слетело с него. Стиснув зубы, он огляделся и в следующее мгновение он был снаружи с ногом в руках. На вороного коня грузили что-то белое. Будай стал стрелять, но после костра он не мог разглядеть как следует. Из темноты раздался хохот, и кони затоптали по берегу. Будай побежал за ними и остановился. Недалеко мчался всадник. Будай тщательно прицелился и истре-

лил. Ему послышался крик, но всадник не остановился. Будаи понял, что последняя надежда добыть коня погибла. Тогда, забыв обо всем, он бегом бросился в степь. Его ноги вязли в песке, но он бежал, пока не свалился. Отдышавшись, он пошел вперед, и сердце его забилося от радости и надежды. Впереди слышались выстрелы. Глухие, настойчивые, правильно следующие одни за другими. Будаи снова тронулся вперед. Он шел всю ночь. Кругом него была тишина и мрак, а он то шел, то бежал, сам не зная, куда и зачем. Когда наступил пасмурный рассвет, Будаи увидел что-то вдали. Он собрал последние силы и побежал. Около коня, лежавшего на земле, неподвижно сидел Джанмурчи.

— Тюр! Это был я. Ты попал мне в ногу, но я продолжал за ними ехать. Иншлах! Позор на мою голову! Я гнался от самого города предупредить тебя, но не успел.

Джанмурчи снял шапку, взял горсть песка и высыпал себе на голову. Они оба сидели молча и не двигались с места. Загнанный конь не мог даже стоять. Он лежал и, не имея сил держать головы на весу, уперся мордой в землю. Джанмурчи молча перевезал рану на ноге и покачал головой. Какой-то русский мужик проехал недалеко по дороге. Будаи и киргиз посмотрели друг на друга. Потом Джанмурчи с тоской сказал в слух то, что каждый думал про себя:

— На телеге нельзя догнать. Они поехали в горы без дорог. Туда! — И он сделал безнадежный широкий жест рукой в сторону далеких снеговых хребтов.

— Отпусти подругу! Издохнет! — сказал Будаи, кивнув головой на загнанного коня.

— Барабир! (все равно).

Несколько киргиз показались на дороге. Они ехали в город на базар. Они приблизились и внимательно смотрели на начавшуюся агонию. Ры-

жий конь задрал голову и оскалил зубы, как будто засмеялся; за несколько минут он весь опал. Кости выставились и натянули кожу. Дрожь непрерывно дергала рыжие тонкие ноги.

— Если сейчас зарезать, еще можно есть! — сказал один из проезжих.

— Барабир! — повторил Джанмурчи. Киргиз прыгнул с седла на землю и быстро подошел к лошади. Будаи увидел, как маленький острый нож что-то проворно сделал около горла. Зияющая черная рана появилась на шее коня и голова нелепо отогнулась назад. Остальные всадники слезли с коней и начали свежевать тушу. Будаи увидел белые жилы на красном и отвернулся. Только тут он понял, что лошадь зарезали.

Черная кровь широкой лужей разлилась по желтому песку. Под самой лошадию она была ярко-красная, а поодаль впиталась в песок. Покоробленное темное пятно на земле было страшным и отвратительным. В небе закружился орел. Проезжие вырезали мясо, и завернули его в шкуру. Потом самый старый обратился к Джанмурчи и коротко спросил:

— Сколько?

Джанмурчи даже не ответил. Он молча пожал плечами. Тогда старик сказал:

— Нехорошо обидеть в дороге путника. Мясо, кожу, седло я продам. Деньги оставлю чайханщику. Знаешь, около дунгайской харчевни?

— Хош, — ответил Джанмурчи.

— Себе я возьму немного, — закончил старик и подошел к коню. Они все сели и поехали к городу.

— Лучше бы это была моя кровь, — сказал Джанмурчи, указывая глазами на лужу. Будаи молчал. Джанмурчи продолжал:

— Тюр курит опий! Его душа беседует с аллахом. Он видит всякие сны. Он не виноват. Марнам украл

Загнанный конь не мог даже стоять.

Байсак. Зачем молодая женщина смеется? Нехорошо, когда ребенок подходит к волку. А Джанмурчи повинен в смерти. Джанмурчи забыл, что Калычу тоже увезли неизвестно куда. Калым пропал! Сердце Джанмурчи пустое! Для кого будет его юрта. Но Джанмурчи повинен смерти. Тюра спит. Джанмурчи должен был беречь Мариам! Айда! (пойдем).— Он взял Будаю под руку и поднял с земли. Они оставили лужу крови на земле, разряженный револьвер и пошли к городу. Будаю застонал. Он вспомнил, что на берегу осталась юрта. Там были платья Мариамы и ужин, который она ему готовила.

Глава IV

Выступление Осы.

Маленький кавалерист ползал на животе по разостланной саженой карте. Тишина глухой ночи разлилась по всему дому. Изредка звенели его шпоры, когда он двигался, перенося с собой свечу. Он тщательно читал названия и делал пометки цветным карандашом. Перед утром в дверь раздался стук, и вошел Будаю. Он был бледен, похудел. Резкие морщины легли на его лице. Волосы совсем почти стали седыми. Глаза поблекли. Голос был усталым и безразличным.

— Кондратий, что ты делаешь?

— Я собираюсь в поход.

Будаю молчал. Они смотрели друг на друга.

— Видишь ли,—заговорил Кондратий,—пространство огромно. Я изучал карту и вижу, что завтра могу выступить.

— Я ничего не понимаю.

— Вот послушай. Ты устраивал засады на перевалах. Заставы зевали. Контрабандисты проходили. Теперь я решил действовать иначе. Я поеду вдоль границы по всем перевалам.

Кондратий показал на коричневую полосу, обозначающую горы. Она проходила из угла в угол через всю карту.

— Чем силен Байзак? Он посылает банды разными дорогами в разное время. Я пересеку все пути и встречу половину из них. Для начала с меня будет довольно.

— Да, но ведь они-то не пожелают с тобой встретиться,—возразил Будаю.

— Люди в очках дали мне все сведения, я составил расписание их движения по числам. Посмотри на карте цветные цифры. Это дни, когда приблизительно каждая партия в Китай или из Китая достигнет своего перевала.

— Но ты должен невероятно быстро двигаться. Это невозможно,—твердо сказал Будаю.

— Вот в этом-то и вся штука. Это будут скачки шагом. Они будут тянуться несколько месяцев. Дорог будет каждый час. Но я каждый день буду выигрывать три часа во времени.

— Каким образом?—спросил Будаю.

— Ты знаешь, что наши лошади требуют именно столько времени выстойки, прежде чем их можно пустить на траву.

— Да,—отвечал Будаю.—Но казенных брать невозможно. Для них надо запасать овес.

Кондратий вскочил на ноги и глаза его сверкнули.

— Правильно! Но я приучил пятьдесят киргизских лошадей к корму без всякой выстойки.

— Кондратий, ты настоящий полководец,—восторженно сказал Будаю, и оба засмеялись.

— Уже день, нам пора,—сказал Кондратий. Он задул оплывшую свечу, распахнул ставни и вышел из душевой комнаты. Солнце ослепительным светом заливало деревья и двор. Оса с наслаждением издохнул всей грудью. Черные малеванные тени тополей легли на тесовые крыши. Тополя лопотали серебряными листьями. Радостный гам наполнял весь двор. Погрузка уже началась. Как всегда, перед выступлением, Кондратий испытывал легкое радостное волнение. Он бегом оглядел двор и хитро улыбнулся. Уже давно он распустил слух, что поедет с научной экспедицией на изыскание в горы. Весь город знал, что комический старик с протоиерейскими кудрями поедет вместе с командиром полка. Почтенный академик уже гарцевал на лошади посредине двора. Против ворот толпились на конях любопытные в пестрых халатах. Это были люди Байзака. Кондратий приказал распахнуть ворота, и они могли смеяться, сколько угодно.

Урус бабай (старик) вносил беспорядок повсюду. Пограничники со-

исем не умели грузить. Тяжелые патроны и легкие халаты выючили на одну лошадь. Уже сейчас ящики кричали выюк набок. Тогда четыре человека стали стягивать веревкой выюк и пропустили ее внизу вместо подпруги. Зрители надсаживались со сме-

дились, что новый командир полка и в половину не был так опытен, как Будаи. Через три часа пути отряд остановился. Шпионы Байзака не увидели настоящей работы. С боковой проселочной дороги пятеро солдат пригнали табуи лошадей. Это были кони, которых воспитал Кондратий.

— Выючить по номерам! — резко и громко приказал Саламатин.

Это были единственные слова, сказанные при перегрузке. Все остальное произошло в молчании. Тюки были помечены мелом. Расседланные казенные кони, как будто с недоумением, смотрели вслед уехавшим. Оса задержался, отдавая приказания коноводам.

— Пасти их не меньше недели. Понятно? И смотрите, чтобы вас никто не видал.

Солдат лукаво ухмыльнулся, в знак того, что все понял.

Маленький кавалерист ползал на животе по разостланной саженой карте.

ху. Завтра к вечеру на животе лошади будут раны. Многие слезли с лошадей, перешли через дорогу и уселись на корточки. Когда караван тронулся, длинные палки палатки торчали и мотались. Звон котелков, стук внутри выюков и какое-то дребезжание было слышно за целую улицу. Зрители убе-

— Ну, вы нахлебники, — грубо закричал он, стегая кнутом ближайшую лошадь. — Целую неделю жрать будете.

— А бабай куда денем? — спросил другой коновод. — Куда нам его?

— Бабай через неделю поедет искать камни, — ответил Кондратий. И попросившись, направил коня за отрядом.

Скоро он увидел облако пыли позади на дороге. Потом стало видно конного, который размахивал руками. Кондратий остановил отряд. Неизвестный киргиз под'ехал и подал пакет. Оса вскрыл сургучную печать и достал бумагу. Это было уведомление Пишпекского следователя о том, что следствие прекращено. Следователь сообщает, что целый ряд лиц привлекается им по обвинению в клевете. Кондратий пожирал глазами сообщение, но Байзак среди обвиняемых не было. Он дочитал до конца и уперся своими пронзительными глазами в желтое лицо гонца.

— Ты откуда приехал?
— Из Пишпека, от следователя.
— А почему у тебя конь свежий?
— Я переменял в городе.
— Почему ты поехал за нами по этой дороге?— спросил Кондратий.
— Я искал вас по всем дорогам,— уклончиво ответил гонец.

Кондратий заглянул в письмо и спросил:

— Как тебя зовут?
— Ибрай,— ответил посланный.

Кондратий недовольно пожал плечами, приказал ему следовать за отрядом, так как не желает обнаружить себя, и отряд тронулся дальше.

Глава V.

С наступлением утра длинная вереница всадников потянулась гуськом над глубоким ущельем. Другая сторона спускалась отвесным серым обрывом. Слева, снизу ярко светило восходящее солнце. Оно освещало красивыми лучами фыркающих коней и всадников, толстых от халатов, похожих на красные комья. На той стороне узкого ущелья повисла глина. Где-то внизу в глубоком тумане глухо, как гигантская мельница, шумел Нарын. Туда не проникали утренние лучи солнца. Тени всадников и коней протягивались

через бездну. По красной глине двигались одна за другой четкие фигуры. Привычные кони спокойно шли над дымной от тумана пропастью, осто-

Неизвестный киргиз под'ехал и подал пакет.

рожно ступая по темным от сырости, скользким камням. Через полдня ущелье расступилось и стало глубже. Всадники двигались поперек ската щебня. Гора влево подымалась так высоко и круто, что вершины не было видно. Впереди раздался тихий свист. Это был сигнал об опасности. Всадники осторожно смотрели под ноги лошадям. Веками поперек ската проходили стада и караваны. Щебень сползал и от времени образовалась плотно убитая тропа. Местами она обрывалась. Тогда сверху полоса щебня плыла каменным потоком. Скат кончался обрывом. Лавина камней дробно стучала по утесам. Коня останавливались перед каменным ручьем. Потом, решившись, перебирали ногами как на карьере, еле успевая выбраться на тропу. Через три—четыре часа пути отряд вдруг остановился.

— Что там такое?—закричал Кондратий.

— Река. Ничего не слышно,—закричал всадник впереди и оглянулся.

— Ибрай,—закричал Кондратий, ответа не последовало.

Саламатин увидел, что влево, круто вверх, шла тропа и Ибрай остановился возле нее.

— Почему там стоят?—спросил Саламатин.

— Не знаю,—ответил Ибрай.

— Там дорога есть? Не врешь? Наступи, если правду говоришь,—сказал солдат и, достав из кармана

сухарь, бросил на землю. Лицо Ибрая сделалось совсем желтым. Он молча шагнул назад. Саламатин выхватил шашку. Но гонец прыгнул в седло. Конь прыжками прошел вверх почти по отвесной стене и исчез. Кондратий еле услышал глухие слова:

— Товарищ командир, пропадает.

— Почему стоите?

— Впереди дороги нету,— отвечал Саламатин.

— Как нету,— в ужасе закричал Оса.

— Оборвалась тропинка, нету, завел проклятый.

— Поверни назад.

— Нельзя. Конь дрожит. Узко.

— Подождите, сверху веревки спустим.

— Нельзя, скала над нами. Веревки вперед уехали.

Кондратий погнался коня вверх. Секунду он висел вместе с конем над пропастью, но взобрался туда, куда скрылся Ибрая. Однако, уже было поздно. Передовой всадник поехал до конца тропы и увидел гибель. Карниз обрывался. Дальше, шагов через сто, снова начиналась тропа, но прямо впереди была отвесная стена. Повернуть назад было нельзя. Прошло несколько минут. Истомленный смертной тоской, солдат приложил ладонь ко рту и прокричал назад:

— Дороги нет.

Этот ответ и дошел до Кондратия.

— Эй, смотри наверх,— раздался голос сзади.

Вверху показалась голова Ибрая.

— Ну, как будешь контрабандистов ловить?—сказал предатель. Солдаты молчали. Кони дрожали всем телом.

— Эх, ударить бы его!—сказал передний. Он шевельнулся в седле и вместе с конем сорвался в бездну. Конь и всадник мелькнули в воздухе и исчезли. Протяжный крик прозвенел в стороне от тропы.

— Пропал, пропал!—раздались отчаянные крики и вторая лошадь нелепо прыгнула вместе с седоком. Ибрая смотрел и смеялся.

— Ну, все равно. Не хотел я коня пугать,—сказал третий всадник. Он вскинул винтовку. Треснул корот-

кий выстрел, тело Ибрая тяжело пролетело сверху, а за ним прыгнула обезумевшая лошадь и увлекла за собой стрелка.

— Колька!—закричали Саламатину.—Сзади слезай, через круп.

— Нешто попробовать?—он один остался живым из всех в'ехавших в западню Ибрая.

— Слазь назад, чорт,—повелительно кричали сзади.—Очумел?!

Саламатин вынул ноги из стремян и пересел на круп лошади. Потом он быстро спрыгнул на землю и удержался на скользкой тропе, схватившись за хвост коня.

— Стой! Стой! Куда? Э-эх, голова закружилась,—закричал он вслед коню. Конь без всякой видимой причины сорвался вниз. Отряд уже был наверху. Изнемогающему Саламатину сверху бросили веревку. Его посадили на запасную лошадь и все в молчании двинулись дальше. Вдруг Кондратий остановил коня. Навстречу шагом плелся какой-то всадник. Когда он приблизился, несколько человек закричали от изумления. Это был Будаи.

— Кондратий, я загнал трех коней и не ел два дня. Я приехал предупредить вас. Сейчас же прикажи застрелить проводника из Пишпека.

По лицу Кондратия прошла судорога.

— Что ты молчишь?—тупо спросил Будаи.

— Он завел нас на оборванную тропу. Трое солдат погибли,—отвечал Кондратий.

— А какой он был из себя?—спросил Будаи.

— Такой—морда широкая, борода будто приклеенная,—сказал ближайший солдат.

— Ростом высокий?

— Высокий.

— Кондратий,—печально сказал Будаи,—из Пишпека проводник привез пакет. Но его убили. С вами поехал Юмиркан. Ты здесь недавно и не мог его знать. Юмиркан работал на другом участке. Его ловили лет десять.

— Слезай,—протяжно скомандовал Кондратий. И, понизив голос, добавил, обращаясь к Джанмурчи:

— Возьми пять человек и поезжай искать трупы. Мы сделаем дневку.

Глава VI.

ЧЕРНЫЙ ЛЕДНИК

Несколько раз на день шел снег. Как только тучи сходили, солнце жгло. Чапаны, кожанки и мокрые кони дымились паром. От резкой смены тепла и холода с лица слезала кожа. Губы у всех потрескались и имели вид ободранного апельсина. У многих, вместо рта, была запекшаяся, сплошная рана. При каждом слове струнья сочились кровью. А люди подымались все выше и выше. Плоскогорья по несколько верст складывали под'ем. Потом, через день пути, отряд оказывался у подножья снеговой горы. За неделю не было ни одного спуска. Все чаще страдали горной болезнью и припадками удушья. Как-то днем открылось такое пространство, что люди с конями стали как мухи. Черная каменноугольная грязь была под копытами коней.

— Койлю, — сказал Джанмурчи и протянул руку вперед.

Там чудовищными ступенями спускались изломанные льды. Грязные, черные сугробы, сползавшие с каменноугольных хребтов, громоздились, как горы. Где-то высоко вверх шумел черный грязный водопад. Вода пробивала снег. Потом ниспадала по леднику и снова исчезала под снегом. Грязный от каменного угля снег и черный искрившийся лед производили необыкновенно мрачное впечатление. Черные льдины железным шлаком горели на солнце вверх. Кондратий слез с коня и пошел пешком.

— Буда! Я думаю, мы перейдем только там... — и он показал рукой на черный ледник. — По карте дороги нет.

Но по ту сторону Койлю нас ждут меньше чем во Франции.

— Мы должны идти быстро, — сказал подошедший Джанмурчи. — Старые люди говорят, что тут очень высоко. Летом падает снег сразу на целую сажень.

— Сколько у тебя по карте? — спросил Буда.

Треснул короткий выстрел. Тело Ибрая тяжело пролетело сверху, и за ним прыгнула обедуменная лошадь и увлекла за собой стрелки.

— Двадцать две тысячи футов. На две версты выше Монблана,—отвечал Кондратий.

Кондратий и Джанмурчи тронулись вперед. Будаи приказал раздать все конфеты и папиросы, которые Саламатин так тщательно берег для этого случая. Все знали, что на этой высоте бывают безвоздушные ямы и чтобы не задохнуться, необходимо сосать конфеты или курить. Кондратий ехал следом за Джанмурчи и невольно поражался дикому чутью этого человека. Черный лед со снегом поднимался столбами на целую сотню саженей. Шуршащий шум слышался от ручьев, которые текли внутрь снега. Они кипели, соединяясь в реченки и иногда грохотали где-то внизу, чуть не под ногами в толще снега. Джанмурчи с одного взгляда оценивал все. Нависшие, сочащиеся сугробы над головой обдавали черным дождем всадников и коней при каждом легком порыве ветра. Иногда снег стоял колонной между скалами. Проводник двигался по черным мокрым пятнам, где выступала земля. Каждый раз ему удавалось миновать залежи снега, и он упорно подымался вверх, сворачивая то вправо, то влево. Как только они подымались на новую площадку, снова открывались гигантские сугробы, громоподобные на десятки саженей вверх. И снова терпеливо, с бесконечной осторожностью Джанмурчи направлял коня на проталину. Вдруг он остановился. В ту же минуту послышался какой-то шорох, который усилился и наполнил весь воздух. Потом раздался покрывающий гул, как от землетрясения и громовой удар потряс землю. Кондратию почудилось, что даже почва под ногами заколебалась. Оба коня отчаянно забились от ужаса.

— Лавина! мелькнуло в голове у Кондратия. Он стиснул своими железными ногами коня и, затянув повод, удержал его на месте. Снеговой столб впереди вдруг наклонился. Огромные сталактиты льдин, с которых бежали ручьи, оторвались и на секунду повисли в воздухе. Потом вся масса снега и льда рухнула вниз. Ледяным ветром пахнуло на проталину и в следующее мгновение раздался второй удар, от которого загрохотало что-то под землей. Конь Джанмурчи, как дикий козел, метнулся вправо со своим всадником

и Кондратий последовал за ним. Целый час они бились в снегу, проваливаясь по грудь, перебираясь по проталинам и вдруг выбрались наверх. Перед ними расстиралось ровное ледниковое пространство, пересеченное черными полосами. Кондратий под'ехал и с искренним восхищением пожал руку проводника. Он не был завистлив и умел ценить людей.

— Ишь ты, ветерком-то как подмело. Каток,—сказал приближившийся, запыхавшийся солдат.

Кондратий и Джанмурчи тронулись вперед пешком, держа в поводу коней, которые с трудом шли по льду. Когда Будаи подошел, то увидел, что они оба стоят на краю пропасти. Трещина шириною в сажень открылась во льду. Она уходила вправо и влево куда видел глаз. Кондратий приблизился к краю и заглянул вниз. Стены льда блестели, как стекло. Дальше в сумраке выставлялись блестящие ледяные уступы, а еще глубже был мрак и дна не было видно. Оттуда еле долетал однообразный звон воды, переливавшейся во льду. Звук был похож на журчание струи, наполняющей кувшин.

— Это наверно от землетрясения,—задумчиво сказал Будаи.

— Ну тебя к чорту. Тут не Академия наук,—дружелюбно огрызнулся Оса, упорно думая о чем-то.

Он снял перчатки и подул на посиневшие пальцы.

— Если я проеду здесь, я выиграю семь дней и накрою еще две шайки. Ведь я тебе сказал, что разорю отца контрабанды. Когда не будет авторитета Байзака, когда он станет бедняком, контрабанда умрет. Постели-ка свою попону вот сюда на край,—сказал Кондратий, но кругом загудели протестующие тревожные голоса:

— Кондратий, не дури,—сказал Будаи.

— Больше ничего не остается. Не бойся.

Холодная как лед, непреклонная воля была в его голосе. Будаи пожал ему руку и отошел в сторону. Оса спокойно поправил перчатки и повернулся к пропасти. При полном молчании окружающих он смотрел на разостланную попону на краю трещины, как будто прицеливался. Потом сразу тронулся рысью вперед. Не переводя

дыхания, все смотрели на него. Если бы конь хоть раз поскользнулся, то даже упав на лед, он съехал бы в пропасть вместе со своим седяком. Перед попоной Оса резко ударил коня камчей. Конь напрягся всем телом, и подобрав ноги, оттолкнулся. Попоной чуть отъехала назад и этим прыжок ослабился на половину. Конь и всадник взвились над пропастью и рухнули на лед.

— А-а-а! Здорово! Молодец! — Раздались возгласы.

Оса высвободил ногу и конь поднялся, дрожа всем телом от страха.

— А ну, давай! — сказал он, оборачиваясь назад.

Ему перебросили несколько веревок, топор и два кола. Оса забил колья в лед и быстро прикрутил веревку. Один за другим, висая над пропастью, перебирались люди по веревкам, потом настлали палки, палатки и брезент и перевели лошадей.

Будай руководил переправой. Оса и Джанмурчи снова тронулись вперед. Они прошли через весь ледник. Лед кончился обрывом. По ту сторону глубокого рва подымалась мокрым блестящим отвесом черная земля. Ров круто спускался вниз и было слышно, как подо льдом бушевала вода, уходящая вбок из оврага. Джанмурчи вместе с конем перепрыгнул ручей на льду. Кондратий последовал за ним. Но вслед за прыжком почувствовал, что куда-то проваливается вместе с конем. Лед зазвенел как стекло, ломаясь вокруг. Кондратий вместе с конем бухнулся в воду и не успел даже закричать. Он захлебывался, бился, кувыркался в черной ледяной воде. Потом его пронесло подо льдом шагом двести. Несколько раз коня перекачивало через него. Жестокая боль в ногах почти лишила его сознания. Очнувшись, он увидел, что лежит в черной грязи. Рядом с ним лежал конь. Вся грудь у него была расшиблена. Окровавленный кусок кожи висел и был выпачкан в черной грязи. Ослепленный и полузадохшийся Оса встал на ноги. Прямо от его ног вниз шел крутой скат под ледник. Вода бушевала и сбивалась в грязную пену. Кондратий не успел опомниться, как сверху одна за другой, расплываясь в воздухе, стали падать веревки. Он привязал коня и долго выбирался наверх.

— Ой-бо-бой! — сказал Джанмурчи, — ты мог умереть. Когда вода идет по льду, она режет его туда и сюда. Бывает так: лед, потом пустое, как дом, и опять лед, и опять пустое. В прошлом году один купец упал: пять или шесть раз под ним сломался лед и никто больше его не видел.

— А-а-а! Здорово! Молодец! — раздались возгласы.

Он тревожно показал на небо. Кондратий понял, что надо спешить, так как скоро начнется метель, и тронулся впереди отряда. Скоро стало легче. Не надо было больше наклоняться вперед. Кони шли по ровному месту, а колоссальные отвесные утесы красного гранита подымались, как колонны и стены развалин. Ровный как пол, сплошной красный камень тянулся на несколько верст. На камне ровным слоем бежала вода. Утесы гранита образовывали лабиринт переходов и корридоров. Сверху все затянула серая мгла и крупный мокрый снег падал бесшумно и так густо, что всадник не видел голову лошади. Снеговая скользкая слякоть зачавкала под копытами коней. Джанмурчи кричал Кондратию, толкаясь стремями, но через массу валившегося снега Кондратий еле слышал его голос. Потом кто-то сунул веревку в руку

маленького кавалериста, и он, схватившись за нее, закивал головой. Теперь он знал, что товарищи не разбредутся. Веревка все время держалась во все стороны, потом она протянулась вперед и назад. Кондратий понял, что всадники вытянулись гуськом, а Джанмурчи приблизил свое лицо к его уху и сказал:

— Я поеду вперед.

Кондратий не спорил. Он знал, что у проводника нос как у волка. Он держался за веревку и как будто плыл в белой струящейся мгле. Кони спорым шагом шли куда-то один за другим. Их ноги уже стали грузнуть в снегу выше, чем по колено. И вдруг снег перестал падать. Мокрые от пота и снега, кони тяжело вздували бока. Скалы выступили из белого мрака. Целые водопады обрушивались с утесов, и уходили в откосы щебня. Мокрые скалы нависали, ежеминутно грозя обвалом. Ослепительно сверкнуло солнце. Белым дымом за клубился вокруг туман. Снова все исчезло. Потом конь Кондратия захрипел и остановился. При следующем порыве ветра у самых ног коня открылась бездна. Конь спокойно глядел вниз. Где-то далеко, под яркими лучами солнца сверкала зеленая долина. Кондратий увидел, что он ехал вторым. Впереди был Джанмурчи. В следующее мгновение ему показалось, что проводник падает. Киргиз вместе с конем скользнул куда-то вниз, всадник и конь исчезли. Мелькнул только круп коня. Кондратий понял, что они перевалили черный ледник и теперь начался почти отвесный спуск.

— Не слезать!— закричал он, повернувшись назад.— Пешком не пройдешь!— и храбро направил коня вслед за Джанмурчи.

Глава VII.

По крутой тропе с винтовками в руках осторожно приближались пограничники. Наконец они достигли домика. Еще на заре зоркий глаз Джанмурчи увидел его среди желтых скал.

Кондратий справедливо рассудил, что здесь, где на сотню верст кругом не было леса, выстроить дом было большой роскошью. Поэтому он изменил маршрут и непременно решил добраться до домика. Дом стоял на вершине утеса и с трех сторон был почти недоступен. Он был сложен из плит желтого известняка, крыша была сделана из бревен. Джанмурчи и несколько солдат рыскали внизу, отыскивая людей, а Кондратий подошел к двери дома. Дом был необитаем. Недалеко в земле была тяжелая дверь, обитая железом. Повидимому здесь был погреб. Несколько красноармейцев сбили замок и раскрыли дверь. Оса спустился в подвал. Большая душная комната от пола до потолка была завалена бурдюками и твердым опиумом. Дурман сразу ударил в голову.

— Очумеешь! Хуже, чем в кабаке!— подмигивая с радостным изумлением сказал Саламатин.

Кондратий задумчиво осмотрел склад и приказал подсчитать опиум. Когда он вышел из подвала, то увидел, что несколько солдат и Джанмурчи вели к нему какого-то старика.

— Мана опиийная контора Байзак,— сказал Джанмурчи. А это его человек,— продолжал он, указывая на старика. Вся контрабанда приходит из Китая сюда и берет опиум.

Джанмурчи отошел в сторону и Кондратий смотрел на старика. Он отвел его в сторону, и они уселись на камень. Тонкие плиты песчаника ломались и звенели, как ледок, под ногами. Кругом шла радостная суета. Солдаты понимали, что поход окончен, так как даже это количество опиума трудно было сразу захватить с собой. Уставшие люди разводили костер, чистили оружие, зашивали дырки и натягивали брезент на дом, вместо разрушенной крыши. Кондратий задумчивым усталым взглядом окинул местность вокруг. Желтые утесы отбрасывали солнечные лучи, внизу, в котловине желтый сумрак тоскливо застилал чахлую траву. Красными отеками сбегали полосы глины. Мокрые от растаявшего снега скалы блестели, как-будто сплошь были покрыты серебряными одуванчиками. Старик — контрабандист, суровый и

жесткий, с запавшими тусклыми глазами и непроницаемым лицом, долго сидел, как изваяние и о чем-то думал.

— Почему здесь никого нет? — спросил Кондратий.

— Тюра, тут были четыре русских охотника. Их нанял Байзак. Но они были глупые люди. И потому умерли.

— Расскажи, как это было, — сказал Кондратий.

Старик заговорил медленным глухим голосом.

— Вместе с ними был старый караванбаш. Он пришел к юртам и рассказал, как они умерли. Отец контрабанды обещал им долю. Но они не должны были никуда ездить. Если бы они пробыли один год, они были бы богаты. Но, тюра, эти люди были глупцы. Когда они приехали в это тайное место, им стало скучно. Ты видишь, здесь нет ни птиц, ни зверя. Эти люди были одни. С первых же дней они стали много-много говорить. Караван-

баш знал закон пустыни: не должен человек говорить с другим день и ночь, чтобы не возненавидеть его. И он предупреждал их, но они не послушали его. Две недели они трещали языком, как сороки. И они узнали друг друга и перестали верить один другому. И когда один говорил, другой отворачивал в сторону своейлицо. Так они поссорились. Караванбаш много ездил на спине верблюда и видел течение дней. Поэтому он делал заметки на большой палке и считил дни своего терпения. В этом доме было спокойнее, чем на спине верблюда, но этим людям было все равно, и они забыли название дня. Повторяю тебе, они были глупцы. И стало для них так, как будто они будут здесь всегда. Кто теряет свои дни и свое дело, тот едет на коне без повода. Байзак взял этих людей, потому что они не курили опиум. Но теперь сладкие сны стали кругом них и звали к себе, потому что они потеряли день и ночь. Кто курит на воде, — тонет. Кто ку-

рит в горах, — скитается. Опиум открывает глаза, и человек видит очень далеко. Эта, не может слабый человек закрыть глаза, когда их открывает опиум. Потом желтый мрак, который ты видишь, поглотил души этих людей, и они стали безумны. Один

Старик заговорил медленным глухим голосом.

из них ходил и собирал цветы, другой бродил, чтобы увидеть зверя. Остальные двое сидели около дома и курили. Когда пришел караван, они хотели отнять для себя лошадей и уехать. Но контрабандисты увидели, что эти люди злы и наполовину безумны. Они могли пойти и все рассказать тебе, а здесь они были полезны. Они охраняли опиум. Поэтому им не дали лошадей. Без коня уйти нельзя турт юз чакрым (четыре раза звук человеческого голоса) до кочевков. Кто понес бы пищу для этих глупых людей? Они поняли это и остались. Конь времени без повода и седла нес их, куда хотел. Тот, кто охотился все время, хотел уйти подальше, но если он смотрел назад, то всегда видел дом и двух человек, которые сидели и курили. А другой собирал цветы, но когда приносили их, двое пьяных топтали их ногами. Однажды охотник нашел следы. Тогда все побежали и убили архара. Тюра, ты видишь, что здесь нельзя сделать костра. Крышу они не

могли ломать, она была нужна для зимы. Им надо было видеть огонь. Они жгли бумагу и выкурили весь табак. Они долго кричали один на другого. Потом один пошел на охоту. Другой за цветами, а двое сели около дома. Через месяц спички окончились, курить тоже было нельзя. На другой день все спорили, а потом стали пить опий с водой. Однажды днем караванбаш делал намаз внизу около речки. Вдруг недалеко раздался десять выстрелов. Караванбаш прибежал к дому и увидел два трупа. Потом пришел охотник. Он кричал, смеялся, топтал ногами мертвых и радовался, что теперь больше их не увидит. Ты видишь, дом стоит высоко. Он видел их всегда, когда смотрел назад. В его глазах был замысел и смерть. По этому караванбаш убил его из ружья. Этот был сильный человек. Пока пуля не попала ему в голову, он бегал и кричал, как тигр. Караванбаш похоронил трех убитых внизу, около речки. Четвертый охотник принес им много цветов. Оставшиеся двое жили тихо и дружно. Но у последнего русского от вяленного на солнце мяса стали гнить зубы. Потом мясо на ногах у него стало отваливаться. Тогда он бросился со скалы и разбился на смерть. Караванбаш жил один, пока с кочечкой не приехал Байзак.

— Кто были эти люди? — сурово спросил Оса.

— Русские всегда имеют бумагу. Вот их бумаги, — сказал старик и протянул Кондратию четыре замусоленных, слежавшихся паспорта.

— Этот караванбаш — ты? — спросил Оса.

Старик встал с камня, низко поклонился и сказал:

— Ты большой человек. Кто будет лгать тебе? Караванбаш — я.

Оса кивнул головой и пошел в дом, а старик, покорно сложив руки на груди, ползая за ним.

— А ты знаешь, где находится становище Байзака? — спросил Кондратий.

— Да — отвечал старик. — И если ты ищешь русскую женщину, то я скажу тебе, где она, только оставь мне жизнь.

— Ты будешь жив и поедешь со мной в город. Но только, ты помо-

жешь мне ее найти, — сказал Кондратий. И он подал старику руку в знак того, что будет держать свое слово.

Глава VIII.

В ПЛЕНУ

Всходило солнце. Белые козы бродили по бугру и были яркими, как снег. Козлята, привязанные к веревкам, звали их вниз, в ложбину, где было еще сыро и сумеречно. Стреноженные лошади, прыгая ногами, подымались одна за другой на бугор. Безцветные и серые, они выныривали на солнце и фыркали от удовольствия. Поток теплого света грел и ослеплял их от головы до копыт. Золотистые и белые, вороные и пегие, они сбивались в табун и тревожно поводили большими глазами вниз. Там в сумерках, звонко, по-детски ржали привязанные жеребята. Солнце поднялось выше. Желто-красные утесы с белыми покрывалами снега выступили совсем близко. Изломанными зубьями они поднялись на темно-синем небе. Ледник серой горой спускался к самой траве. Бодрым холодом тянуло от него, и стадо баранов, стоявшее возле юрт, зашевелилось. Заблеял черный козел и отдельные голоса, жалобные и протяжные, стали перебивать друг друга. Через минуту сплошной рев покрыл говор пастухов. Стадо тронулось к реке. Вода шумела и бухала меж камней, как на мельнице. Волны сворачивали за каждым камнем, проваливались в глубокие ямы, сбивались в шипучую пену и тут же, соединившись, мчались прозрачным слоем по гладкой спине утеса. Ручьи, отбежавшие в сторону, звенели в пустоту между камней, как струны фонтана. Они наполняли глубокую каменную чашу, а дальше жгучая ледяная вода снова прыгала по камням и протягивалась, как белая пряжа. Около воды две женщины раскладывали большую грудку шерсти. Они были окружены старухами, которые понукали их и ворчали при каждом их движении. Это были Марианна и Калыча. Старухи принесли ведро кипятку и обрызгали шерсть. Обе плен-

ницы разостлали ее на ковре и стали ковер сварачивать в трубку. Горячая шерсть обжигала им руки. Жесткий колючий ковер резал и колол кожу, но старухи торопили их отрывистыми приказаниями, похожими на карканье ворон. Наконец, они свернули весь ковер в трубку. Калыча беспомощно засучила свои детские руки и со слезами на глазах стала просить у старух наложотники. Но старая ведьма, которая стояла ближе, засмеялась беззубым ртом, отчего ее нос, похожий на клюв, еще больше выставился вперед, и ударила Калычу палкой. Девушка вздохнула и сказала.

— Мариам, я буду делать одна: они хотят погубить нас. Ты не знаешь, от этой работы можно заболеть страшной болезнью.

Потом она настойчиво отстранила Марианну и, присев на корточки, стала катать тяжелый ковер. Через несколько минут на лбу у нее выступил пот и она остановилась. Ближайшая старуха сейчас же ударила ее палкой по спине. Марианна заплакала и села рядом с Калычей. Они катали ковер вперед и назад до полного изнеможения, а старухи все время поливали его кипятком, чтобы шерсть внутри легче сдвигалась. Через два часа руки обеих пленниц были обожжены и ободраны. Старухи принесли еще ведро кипятку.

— Не ленись, — прокаркала одна из них и жестоко ударила Марианну гибкой палкой.

Через несколько минут Марианна упала лицом вперед и не могла даже подняться. Она бессильно лежала на земле и плакала от обиды и боли. Калыча ей вторила. Скоро они обе подняли такой плач, что могли бы расстрогать даже каменное сердце. Но старые ведьмы стали их избивать палками. Пленницы продолжали лежать на земле. Отдохнув, они снова принялись катать ковер. И истязание началось снова. Вздунувшиеся пузыри от ожогов на руках стали лопаться. К полудню кожа слезла до самого локтя. Малейшее прикосновение к колючему коврику причиняло невыносимую боль. Весь ковер был вымазан кровью. Ногти на руках стали синие. Тогда Марианна встала и изо всей силы ударила ближайшую старуху по лицу.

Надсмотрщицы подняли страшный вой. Несколько здоровенных пастухов прибежали и стали бить пленниц плетью. Потом, какой-то толстый киргиз подошел и приказал отвести обеих пленниц в юрту. Это был Байзак.

— Когда цветок попадает под копыто коня, он бывает втоптан в землю, — сказал Байзак. — Когда-то ты смеялась надо мной на ярмарке. Может быть, ты засмеешься сегодня?

Марианна молчала. Байзак уставился глазами на вход, как-будто чего-то ожидал. Обе женщины, следуя за его взглядом, также повернули головы к входу. Все трое как будто ждали появления кого-то. Полог юрты медленно поднялся и в юрту наклонив голову, шагнула человеческая фигура. Когда вошедший выпрямился и лицо его стало видно, обе женщины дико закричали от ужаса.

— Это та болезнь, о которой я тебе говорила, — охваченная смертным страхом кричала Калыча, цепляясь за Марианну. Эта болезнь приходит, когда делают кошмы. «Коч, коч» (убирайся), визжала Калыча. Она потеряла от страха голову и топала ногами. Гнилая, гнусная маска, вместо человеческого лица, с белесыми, как-будто вареными, глазами уставилась на пленниц. Трупный смрад наполнил юрту. Байзак махнул рукой и появившийся исчез также бесшумно, как вошел. Повернувшись к Марианне, Байзак сказал.

— Ты напишешь бумагу Осе, чтобы он оставил весь опий, который он нашел. Или ты будешь делать кошмы, пока не сгниешь.

Марианна подняла свои руки и сказала:

— Что могу я написать моими руками?

— Хорошо, я пришлю женщин и они тебе помогут, — как-будто спохватившись, сказал Байзак.

Через несколько минут пришли старухи и тщательно забинтовали окраиваемые руки пленниц. До самого вечера Марианна и Калыча советовались о том, посылать письмо или нет. Марианна полагала, что таким путем они выиграют время, кроме того Кондратий мог проследить гонца и нагрянуть на становище. Но все вышло иначе. Поздно ночью, когда все паст-

Может быть, ты засмеешься сегодня?

бище было погружено в сон, край юрты поднялся и какой-то старик почти шопотом, позвал обеих женщин за собой. Калыча разбудила Марианну и обе, стараясь не производить никакого шума, тихонько тронулись куда-то в темную ночь. Они шли долго, потом бежали и только версты через три они услышали запах махорки, увидели красный огонек цыгарки и какой-то грубый голос спросил:

— Кто идет?

Дальше все было как во сне. Марианна знала, что она вернулась к своим и что красноармеец, схватив ее жесткими, как железо, руками поднял на седло. Она слышала, как испуганно закричала Калыча, потом затопали кони и после этого ей казалось, что она погрузилась в глубокий беспамятный сон.

Глава IX.

ПОБЕДА ОСЫ

Обветренные, загорелые, дочерна, солдаты на взмыленных конях с целым караваном опия позади вступили в

город. Впереди отряда ехал Кондратий рядом со стариком.

— Ты сказал пастухам Байзака все, что я говорил тебе?—спросил Кондратий.

— Тюра, ты большой человек, кто будет тебя обманывать?—ответил старик.—Я сказал им, что ты в долине дашь им землю и воду и потому они могут не служить у отца контрабанды. Я сказал им, что никому из них не грозит смерть. И я все сказал про бумагу.

— Какую бумагу?—спросил Оса.

— Тюра, скоро должны быть выборы. Байзак взял большую бумагу и все неграмотные пастухи стали прикладывать к ней свои пальцы, обмазанные синей краской. Он хотел наверху бумаги написать, что они снова выбрали его. Но теперь, когда я передал им твои слова, они отдадут тебе эту бумагу.

— Я не понимаю, почему ты сразу не захватил Байзака?—недовольно проворчал Будай.

— Потому что я вовсе не желаю изготовлять нового мученика и святого,—резко ответил Кондратий.

Будай пожал плечами, но через полчаса он увидел, что Кондратий был прав. Когда отряд подъехал к опийной конторе, чтобы сдать опий, на другом конце улицы послышался гул, и стало видно, как из-за угла хлынула толпа. Несколько пожилых киргиз подъехали к Кондратию. Они вели в поводу коня на котором сидел Байзак. Один из стариков сказал:

— Мы Байзака не выбирали. Байзак тут и бумага тут. Ударь Байзака по голове.

Отец контрабанды оглядывал всех, как затравленный волк.

Кондратий взял бумагу, поднял ее кверху и спокойно сказал:

— Я передам ее следователю. В ней больше правды, чем в бумаге о взятке Будая.

Байзак молча потянул Кондратия за рукав. Маленький кавалерист отрицательно покачал головой.

— Говори здесь при всех или ни одно твое слово не попадет в мои уши.

Байзак настойчиво тянул Кондратия за рукав, и тогда кавалерист в сопровождении нескольких солдат прошел в контору за отцом контрабанды. Снаружи на улице сгрудилась толпа и ждала, что будет дальше. Кондратий закурил трубку и заговорил, как бы думая вслух.

— Отец контрабанды имел много людей. Сейчас ему отрезали всю свору и его посадили на цепь, как полка. У него было очень много денег, целый сарай опия, тысяча лошадей и много верблюдов, чтобы ходить через границу. Почему люди его боялись? Почему голодные с ружьями в руках, они возили его опий и работали на его тайных полях. — Он на минуту замолк и потом ответил самому себе:

— Потому что все думали, что он очень умный. Умнее Будая. Умнее Осы. Умнее всех. Завтра отец контрабанды пойдет по базару. Его змеинный язык прошипит, что вчерашний день прошел, что все эти унижения были необходимы, а неудачи он может преодолеть. Он напомним всем, что он отец контрабанды и что он очень умен. И ему поверят. И он опять наберет людей. Я этого не хочу. — Оса замолк и задумчиво выпускал клубы дыма.

— Я не буду этого делать, — просто сказал Байзак.

— Я тебе не верю, — так же просто сказал Оса.

Байзак молчал. Потом он достал платок, вытер пот, струившийся с лица и спросил:

— Что ты обещаешь мне за позор этого дня?

— Ничего, — сказал Кондратий, пожимая плечами.

Байзак повернулся, чтобы уйти. Джанмурчи схватил его за руку, но Оса сказал:

— Не держи его. Ему нужно много времени, чтобы набрать на базаре милостыни на обед.

— Правда, ты человек умный, — беспомощно сказал Байзак и остановился, — ты сразу понял, что я лгу и уйти мне некуда.

На минуту он замолчал, потом заискивающим голосом добавил:

— Может быть, ты не передашь следователю этой бумаги, то я буду верно служить тебе!

— Сейчас же передам ее следователю, — засмеялся Оса.

— Она меня арестует, — в отчаянии сказал Байзак.

— Вероятно, но перед этим ты еще скажешь при всех людях, что напрасно ты возил контрабанду в Китай, напрасно лгал на Будая, и что ты глупее, чем думали о тебе люди.

— Что дашь мне ты за все это? — спросил Байзак.

Тогда Кондратий приблизил свое лицо к нему и сказал громко, чтоб слышали все, находящиеся в комнате,

— Тридцать процентов со всего опия, который ты еще мне укажешь. Деньги получишь после того, как выйдешь из тюрьмы.

Байзак кивнул головой и, шатаясь, вышел на крыльцо. Затихшая толпа мгновенно пришла в движение. Джанмурчи и солдаты последовали за отцом контрабанды. Кондратий остался в комнате и, спокойно пуская клубы дыма, глядел в окно. Байзаку подвели ободранную кляченку из тех, на каких, обычно, возят пойманных конокрадов задом наперед. Он сел на нее, и толпа смолкла. Байзак ударил себя в грудь и, тронув лошадь шагом, громко нараспев сказал:

— Напрасно я лгал на Будая и возил опий.

Рев и свист покрыли его слова. Толпа тронулась вдоль по улице и сторону базара.

— Вот это так здорово! — сказал радостно Будай, который до сих пор не проронил ни одного слова. — Лет десять у нас теперь не будет контрабанды. Вель теперь ни один чорт не пойдет.

Оса задумчиво продолжал курить и молчал.

— Все это хорошо, но теперь я боюсь, что мне будет немножко скучно.

Он пожал руку Будая, повернулся, мельнул зеленым костюмом в освещенном квадрате открытой двери и в соседней пустой комнате слышались его четкие шаги и звон шпор.

П. Дорохов. ФРОНТ УЧИТЕЛЬНИЦЫ ПЕРЕПЕЛКИНОЙ
Повесть. Стр. 195. Ц. 1 р. 25 к.

В книжке... не только новая повесть Дорохова, но и три рассказа... Дорохов умеет вскрыть перед читателем муки и радости изображаемых им лиц... Повесть... изображающая приезд юной учительницы в деревню и те трудности, которые ей приходится пережить по части налаживания правильных взаимоотношений с крестьянами, — неотразимо привлекает внимание читателя к страницам книги. Покоренный уверенным жестом писателя, счастливо избравшего нужную натуру и умевшего подать ее твердым и безошибочным движением, читатель нетерпеливо ждет разрешения острого конфликта, в жизненной правде которого он не может сомневаться...

„Красная Новь“ № 1, 1927.

Московское Товарищество Писателей. Москва, Б. Полянка, дом № 12. Тел. 85-51.

РАССКАЗ *А. Прутова.*
(Из цикла «Первая Конная»).

I.

Дивизионная партийная школа (восемь рядов по шесть) шла на своем обычном месте, сейчас же за штабом, во главе политотдела.

Далеко впереди, там, где серая лента дороги, голубая ширь неба и золото июльских полей сливались в одно, маячили очертания города.

Кто-то привстал в стремени, приложил руку к глазам и сказал:

— *Александрия!*

Бойцы завокнували, занервничали и, пустив лошадей на свободно брошенных поводьях, занялись своим внешним видом.

Застегивали ворота гимнастерок, подтягивали ремни, отряхивали от пыли буденовки и красные фуражки. Некоторые пофрантоватее доставали откуда-то обломленные, беззубые гребни и взбивали ими свои непокорные, ухарски выющиеся кудри.

Подшучивали друг над другом, рвали из рук в руки единственный на всю школу осколок мутного зеркала и беззлбно, весело потешались сами над собой.

И было им тепло под теплым июльским солнцем, и было им радостно в просторах радостных полей, потому что все сорок восемь были дружной семьей, спаянной единой целью и одним стремлением.

Как и во всей большой группе людей, так и тут были группы, сближившиеся теснее, другие были друзья, никогда не разлучавшиеся друг с дру-

гом. Особенно крепко тянули друг к другу двое.

Одного звали Тарас Остапенко, и был он синеглазый, черноволосый, влюбленный в степи своей родины, украинец. Другого звали Степан Демин, и в его глазах лежала глубокая ночь сибирской тайги, и никто не знал, как попал он на юг.

Почему они сошлись друг с другом, не могли бы объяснить и они сами. С первого же дня прибытия в школу потянуло их друг к другу, и в отдыхе, и в часы ли учебы были они рядом неразлучные и странно непохожие.

Было у них одно общее, и это общее проглядывало сквозь глубину их таких различных глаз.

В светлой голубизне одних и в карем мраке других одинаково лежало что-то, от чего с невольным уважением смотрели на них остальные. Видно было, что оба они прошли через большие пути человеческих страданий и заглянули в пропасть страшного.

Ни тот, ни другой никогда не рассказывали о себе — даже друг другу не веряли они пережитого. Остапенко знал о Демине так же мало, как Демин о нем.

Иногда в часы отдыха, когда собирались ребята в круг и в долгих разговорах коротали теплые летние вечера, казалось, что ни тот, так другой, увлеченный общей беседой, откроет пути жизни своей и страшными былями поделится с товарищами по учебе. Но никогда не было так. Едва только смолкали все и переводили глаза на

двух неразлучных, как в шутку называли их — и едва только чувствовали они, что ждут от них рассказа, так сейчас же или Остапенко, или Демин поднимался, встряхивал головой и бросал:

— А, ну, песню, ребята.

И лилась песня то тихая, как травы под легким ветром, то буйная, как листва деревьев в бурные дни.

А рассказов от них никто никогда не слышал, и в то время, как жизнь каждого из остальных, как на ладони, была перед всеми, о жизни Остапенко и Демина никто ничего не знал, и сами они друг о друге не знали.

II.

Три дня уже стояла дивизия в городе. Для партийной школы отвели пригородный район, и заняла она целую улицу, став свободно, — по одному в хате — не больше. Первые дни выдались дождливые, серые и прошли бестолково в поисках помещения под занятия, в приведении его в порядок, в приспособлении к новым людям, новым местам.

На четвертый день солнце глянуло с утра и за несколько часов высушило всю грязь на дорогах. Старшина школы решил, что не душно было бы выехать на строевые — начальник школы согласился с ним.

Они вдвоем отправились на резведку и около моста, соединявший город с пригородом, лежавшим за рекой, нашли большое квадратное поле, достаточно просторное для целой дивизии и удобное для всяких учений.

На учение выехали в двенадцать часов и до часу крутились, меняя строй, к великому удовольствию жителей, собравшихся поглазеть на живописную картину.

В час раздалось ленивое «слезай» и, пустив коней на хорошую густую траву, бойцы, по всегдашней привычке, развалились на земле в тесный, быстро отметившийся облаком махорочного дыма круг.

Случилось так, что конь одного из бойцов, обрадовавшись зеленой траве и горячим лучам солнца, вздумал устроить небольшую прогулку, боец, сочно выругавшись, побежал за ним.

Вернулся он верхом, раскрасневшийся от жары, обливающийся по-

том, и сообщил, что нашел могилу Остапенко.

Тарас побледнел, закусил губу и спросил где?

Боец показал в сторону моста и все решило отправиться взглянуть в чем дело.

Кто верхом, кто ведя коня на поводу, кто просто идя рядом с послушной, как щенок, лошадыю, бойцы по диагонали перешли зеленый квадрат и увидели в вершине угла, образованного поворотом реки, небольшой холм, на котором стоял простой белый камень, увенчанный сделанной из фанеры пятиконечной звездой.

Все сорок восемь сгрудились вокруг памятника, и старшина громко прочитал выбитую на камне надпись:

«Здесь покоятся товарищи, павшие за свободу от руки бандитов: Семен Бондаренко, Петр Полещук, Иван Прядько, Тарас Остапенко и еще один неизвестный».

— А и в самом деле, Остапенко! Могилка-то словно твоя!

Староста усмехнулся, но смех погас на его лице, когда он увидел застывшие глаза и сдвинутые брови Остапенко.

— Да что, Остапенко спросил он — нешто?..

Остапенко, не говоря ни слова, подошел к памятнику, вынул из кармана перочинный ножик, раскрыл его и, став на колени, принялся зацарапывать свое имя. Никто не пробовал удержать его, и все, сгрудившись вокруг, ждали, когда он кончит. И только, когда встал он, отряхивая приставшую к коленям землю, кто-то поинтересовался:

— Зачем это ты?

— Потому что ошибка — жив я!

— Да может это не ты. Мало ли Тарасов Остапенко?

— Нет, я — сказал Остапенко. — Это моя могила.

III.

Тогда сели все бойцы вокруг, и сел Остапенко, прислонившись к памятнику спиной.

И сказал староста:

— Ну послушаем мы.

И сказал Остапенко:

— Слушайте.

И то, что написано дальше,— это рассказал Остапенко Тараса над его собственной могилой.

«Простите, бойцы — сказал Тарас, — простите, бойцы, что никогда не открывался я перед вами. А между прочим знаю я, что по товариществу будто и нехорошо так. Но знаете вы, бойцы, на что уж ближе Демна никого мне не было, а все-таки и его знаний обо мне никаких нет. Сколько часто мы с ним в одной хате стояли и сколько ночей, когда сон от глаз бежал, разговоры у нас были разные, а только об этом ничего. А оттого это, бойцы, что не все расскажешь и не все просто на слова идет. А такое есть, что надобно случай совсем особый, в роде как сегодня. И сегодня я расскажу вам, бойцы, все.

«Правда, бойцы, что это моя могила, только неправда, что я в ней лежу. Сами вы видите, что сижу я между вами и никак не могу лежать в могиле. А было все это, бойцы, вот как.

«В то время армия наша, славного товарища Буденного, билась на фронте против панов проклятых, а в тылу нашей армии ходили бандиты всякие и творили, что им хотелось, по селам украинским. А я в то время кузнецом был в этом самом городе, и где была моя кузня, там сейчас одно место гладкое и даже углей от бревен сгоревших не осталось. Ветер резвевал остатки кузни моей.

«В пригороде, где стояла моя кузня, жила беднота одна бесштанная и перекатная, как говорится, голь. И как пришла власть советская, так никто не захотел на себя должности взять, потому, говорили, что быть советской власти недолго. И как никто не хотел, то сказал я, что согласен, и сказал потому, что советскую власть своей почитал и пользу от нее для всей бедноты чувствовал. И был я в ревкоме от нашего пригорода и хотя партийным не был, но считали меня все равно, как коммуниста.

«И вот случилось так, что недалеко от города нашего, от того самого города, в котором мы с вами сейчас расположены, появилась банда эта, пошла прямо к городу, и не было для города возможности помешать ей.»

«И попрятали мы, бойцы, все дела наши, кто был партийным позанимал

билеты в платья и разошлись по домам своим. И было то вечером, и помню я, что дождь шел.

«О сне, конечно, и думать не могло, и спать ложился я только для виду, чтобы меньше на меня подозрений иметь могли. Только как знал меня не только весь пригород, но, пожалуй, и город весь, то надежды у меня совсем не было. И точно. Ночью, в двенадцатом часу, постучали в дверь моей кузни.

«Каждому из вас, бойцу, известно, как бывает в таких делах. Били меня сильно и даже имени моего никто не спрашивал. А, избив, выгнали за порог и сказали:— иди! Шел я и ждал, что сзади покончат жизнь мою из обреза, а идти было трудно и опять же дорог у нас, сами знаете, хороших нет, а тут по причине дождя на сапогах в роде как грязь одна.

«Однако жизни решиться мне не пришлось в этот раз, а было видно у них другое предназначено. И по дороге от моей кузни стрелять в меня не стреляли, а только били и мучали, не зная жалости.

«Провели меня так до того места, где, как вы сами знаете, теперь наш штаб стоит, а в то время ихний бандитский располагался. И там втолкнули меня в комнату, в которой, кроме меня, еще четыре человека были. Трех из них знал я, как были они моими земляками, и можете вы имена их и сейчас на этом камне прочесть, а четвертого не знал. И никто не знал. Кто он был, нам не ведомо, но говорили, что его привели бандиты с собой издалека и был он избит так, что никакого лица у него, можно сказать, и не было.

«И вот, бойцы, сидели мы все так и ждали, когда поведут нас и расстрелят, потому — знали мы, что расстрелять нас обязательно, и чего другого мы ждать могли?

«И верно. Через часа два, не более, пришел в комнату человек пьяный и с лицом озорным и совсем ясным, что бандитское, и спросил:

— Кто из вас беспартийный — отойдите влево!

«Что за других, не знаю и сказать не могу, но за себя знаю, что был я беспартийным. Но все ж таки никуда я не подался и с места не двинулся.

Тогда сказал вошедший к тому четвертому, которого мы не знали:

— А тебе батько передать приказал, что ежели ты придешь к нему и повинись в вине своей, то он простит тебя, потому, как ты хоть и коммунист, но брат его родной и одной матери.

«И человек избитый, у которого никакого лица не было, ответил, как я помню:

— Уйдите от меня, и ко мне с такими разговорами приходите кончите. Нет у меня брата, потому что не может быть братом моим бандит.

«Тогда пришедший человек сказал нам одеться и вывели нас, и за нами пошло пять с винтовками наготове.

«Знали мы куда ведут нас, и шли мы не весело, и когда запинались мы, то подгоняли нас сзади прикладами, а бывало и так, что штык рвал одежду нашу. И когда шли мы, то незнакомый шел рядом со мной, и словно про себя, говорил:

— Ночь темная и идет дождь. В такое время верный прицел взять трудно и опять-таки обрезы у них. Бежать нам нельзя, но попытаться спастись можно. Только робеть не годится. Когда приведут нас на место смерти, то стоять надо спокойно и когда команду подадут, то один за другого забежать. Либо обоим пощады от смерти не выйдет, либо только один пропадет.

Я ровно бы и не слушал его разговора, но как повторял он это по нескольку раз, то подумались мне, что человек с ума сошел.

«Долго ли коротко ли — только привели нас к этому самому месту и велели все с себя скинуть. И пока раздевались мы, говорил кто-то тому четвертому:

— Губишь ты себя — говорили ему — Брат твой тебя миловать хочет. Слово дает. А сам знаешь, что слову его верить можно. Повинуйся в вине своей.

«И незнакомый нам человек отвечал:

— Будет. Делайте, что вам велено. А брату моему передайте вот что: Семь лет не видел я его и не думал, что так встречу. Пусть вспомнит он как крестьянствовал в Сибири и как честно жизнь свою вел. И пусть подумает — зачем он на чужой, укра-

инской земле кровь льет и почему против нашей власти поход держит. Непонятно мне это и противно. Больше слов моих нет.

«И тогда сказали нам — становитесь, и подняли обрезы на ровень грудей наших. Помню я, как затворы щелкнули, и помню, как метнулась передо мной тень человека, загордившего меня телом своим. И помню я грохот и больше ничего вспомнить не могу.

«Зарывали тогда сами знаете — кое-как. Земли слой невеликий сверху насыпали. Бывало так, что и руки и ноги торчат. И очнулся я, чувствуя, что во рту у меня и в ушах и на глазах земли навалено, а когда пошевелинулся то почувствовал, что рядом со мной и на мне еще кто-то лежит и уже холодный совсем.

«Слов моих не хватит, бойцы, чтобы рассказать вам, как я себя перенес в ту минуту. Сил у меня мало было, но собрал я довольно, чтобы из-под тела вырваться и, разворотив землю, вылезть наружу и взглянуть на звезды частые и небо, с которого тучи сошли.

«Вздохнул я глубоко, словно всю волю выпить ходил до дна. Себя пощупал и вижу, цел я, только на голове рана и та пустяк. Кожа сверху сорвана. Еще вздохнул я и, собрав силы свои, пошел.

«И пошел я, бойцы, вот к этому мосту, что видите вы перед глазами своими, и вот тут случилось такое.

«Должно, помутилось у меня тогда от страха, потому иначе, как привидилось бы? Послышалось мне, что кто-то кличет, и обернулся я и увидел...

«Ну вот, бойцы, умереть мне на этом месте, а только увидел я над нашей могилой голого человека и казался он большим и страшным и слышал я, как кричал этот человек мне вслед:

— Постой! Постой!

«И ничего страшнее этого для меня не было. И бежал я, как не знаю, когда бежать придется, и уже за версту от города упал на землю и бился от страху, и ел землю, и плакал.

«И сколько прошло времени, бойцы, и знаю я теперь, что все это от расстроенных чувств моих было, и что

никогда покойники из могил не встают, а все таки жутко мне и сейчас и по сейчас морозом по коже бежит, как вспомню про это.

«И вот почему я надпись своего имени с могилы снял».

Остапенко замолчал и бойцы молчали, сидя вокруг, и никто не хотел ни говорить, ни спрашивать.

Москва

Март 8-го 1927 года.

Только Демин встал, посмотрел на Остапенко и на памятник посмотрел. И сказал:

— Надо, Тарас, и еще одну надпись с камня сцарапать. Ту надпись, где сказано про одного неизвестного, Тарас. Потому что не пригрезился тебе человек на могиле в ту ночь, Тарас, и потому что был этот человек я.

**К. Шильдкрет. СКОВАННЫЕ ГОДЫ. Роман. Стр. 222.
Цена 1 р. 40 к.**

Государственным Ученым Советом допущено для школьных библиотек.

Тема романа — борьба рабочих с капиталистами в царской России. Автор повествует об ужасах николаевской охранки и чудовишной эксплуатации фабрикантами рабочих.. Средства борьбы, вся сложная организация подполья живо и в полноте обрисованы автором... Книга «Скованные годы» должна иметь широкое распространение среди рабочих и крестьянства.

„Известия ВЦИК“ № 253 от 2 XI—26.

К. Шильдкрет делает общественно-нужное дело. Книга читается с вниманием, во многих местах волнует.

„Октябрь“ № 1, 1927.

Московское Товарищество Писателей. Москва, Б. Полянка, д. № 12. Тел. 85-51.

Хитрость Церемии Поккера

РАССКАЗ А. Филимонова

Тренер Поккер был мудр и многоопытен. Даже знаменитые, нестерпимо важные чемпионы умеряли свой нрав, когда «старый Покк» поучал их тонкостям гребного искусства.

Свежие люди прямо с ума сходили от Покковских поучений (до того обидно старик выражался), но бывалые спортсмены этим не смущались и выше Британской энциклопедии почитали прославленную мудрость своего учителя.

Подобно многим философам древности, Покк избегал хвалить своих учеников.

— Чего их хвалить—говорил он—когда они о себе и так черт знает что думают.

И надо отдать ему справедливость: силой своего удивительного красноречия он не мало содействовал развитию скромности среди австралийской молодежи.

И вот случилось так, что этот строгий и требовательный человек похвалил собственную старшую восьмерку. Произошло это небывалое событие таким образом.

После очередной прикидки, Покк поглядел на секундомер и явно развеселился.

Загребной Хиггинс клялся потом, что суровый лик капитана вдруг просветлел, как начищенный кофей-

ник. И он, Томми Хиггинс, сразу понял, что время наверно чертовски хорошее, если даже «старик» доволен.

Тут Покк оскалил свои прекрасные золотые зубы и произнес такие слова:

— Пусть, джентльмены, я стану дохлым, как жереная индейка, если мы не заставим попотеть и «Леандр»¹⁾ и американцев.

Затем еще раз любовно взглянул на секундомер, но... времени ни кому не сказал, ибо с давних пор ведется тренерами обычай, результаты прикидок хранить в тайне. Впрочем с не менее давних пор команды неизменно посылают по берегу много джентльмена с секундомером и тем самым разбивают хитрые планы своих руководителей.

Конечно, предполагается, что время останется известно одной команде, но у юных джентльменов, обреченных хранить тайну, всегда есть друзья, которые «скорее умрут, чем проговорятся», и в результате через три дня весь город знает о прикидке.

Слух о ней возникает таинственно и непостижимо.

Начинается обычно с того, что какой-нибудь несчастный «фег»²⁾, во вред ближнему проводящий каникулы, покровительственно хлопнет по спине загребного и вдруг выпалит:

— Алло, Томми! Как дела? Сильно выдохлись на прикидке? — с заговорщицким видом наклонится к уху: — подумать только—на пять секунд выше рекорда. Ставлю на вас.

И раньше, чем пораженный сеньер успеет вспомнить, где он видел этого

Алло, Томми! Как дела?

¹⁾ Сильнейший восьмерочный клуб в Англии.

²⁾ Фег — младший школьник. Вроде русского «приготовишки».

мальчишку, тот уже далеко и рассказывает всем встречным, о том, что ему только что сейчас по секрету сообщил его лучший друг, знаменитый спортсмен Хиггинс.

Слухи в Австралии распространяются медленно, но неуклонно. Шкипера шкун и кечей, спускающих копру и кокос на островах, чертовски памятлив на разные пустяки.

Стоит в Мельбурне на Ярра-Ярра перевернуться на скифе чемпиону, или клубу моряков приобрести новую партию напитков, как через три недели где-нибудь на Маланте европеец, ошалевший от виски, хины и радио-концертов, уже получает эти известия в самом эффектном и приукрашенном виде.

Иногда, когда новость этого стоит, слух о ней побеждает исполнинское пространство Индийского океана, через щель Суэцкого канала проскальзывает в Европу и еще месяц спустя в клубах на Темзе (если дело касается гребли) возникают жаркие споры на тему: правдоподобно сообщение или нет.

Когда восьмерка Мельбурнского Клуба прибыла в Хенлей¹⁾ на первенство мира, каждый чистильщик сапог в Англии уже знал, что «старый Покк» показал на прикидке мировое время.

Томми Хиггинс, парень ужасно красноречивый (наверно влияние Покка), вернувшись домой в Австралию, так рассказывал об этом:

— Нам знаете ли сперва очень нравилась такая популярность. Журналисты день и ночь штурмовали нашу гостиницу. Старик даже боялся, чтобы кого-нибудь из нас не искалечили, но потом мы чрезвычайно ко всему этому охладели.

Тут воспоминания обычно одолевают Хиггинса и хотят его слушатели или не хотят, он рассказывает удивительную повесть о подлости лордов и мудрости тренера Иереми Поккера.

— Дня за три до начала первых полуфиналов мы с Фильсом (Фильс, — это наш первый номер) поехали в Марлоу. До этого самого Марлоу даже ленивые английские автобусы идут меньше часа и «старик» отпу-

стил нас смотреть крикетный матч, взяв только слово никаких пари не заключать и вообще во время состязаний не волноваться. Уезжая, мы оставили наших друзей веселыми и безмятежными, как стая молодых воробьев, а, вернувшись, нашли печаль и всякого рода причитания.

Первое, что нам бросилось в глаза, когда мы вошли в комнату Покка, был наш представитель Гопкинс.

Он сидел на поставленном стоямя чемодане и ругал лордов в таких выражениях, что «старик», который стоял рядом, был зеленый от зависти.

Он ругал лордов в таких выражениях, что «старик», который стоял был зеленый от зависти.

Остальная компания тоже была на лицо, и вид у них всех был такой, точно их долго поили уксусом.

— Боже мой, — в страхе воскликнули мы, — что такое у вас приключилось?

Тут Гопкинс прервал свои проклятия и еще раз начал излагать все по порядку.

— Этот самый лорд Деттерлей, председатель гоночного комитета, вежливо так меня спрашивает:

— Скажите, мистер Гопкинс, ваш седьмой номер Гаррис Смит случайно не лоцман?

— Лоцман, сэр, — говорит Гопкинс, не понимая, куда тот клонит — замечательный лоцман. Можно сказать, самый лучший в Австралии.

— Ну, а членом профессионального союза он состоит?

¹⁾ Местечко под Лондоном, где разыгрывается первенство мира.

— Не знаю, сэр, — говорит Гопкинс, — откуда мне знать такие вещи.

Гаррис случайно не лойман?

— Ну, так я вам скажу, что состоит — отвечает лорд и вытаскивает из кармана справочку какого-то презренного агентства.

Вот вам и популярность.

Потом весь комитет напал на нашего представителя, обвиняя его в жульничестве, и сколько им Гопкинс ни доказывал, что лойман не профессионал, они и слушать не хотели.

— Член союза и конечно.

Тут Фильс постиг трагический смысл происшествия и, прервав Гопкинса, начал предаваться отчаянию.

— Ох, мошенники, — кричал он, — они знают, что Гарриса нам не заменить и теперь ни за что не допустят нас до состязания.

Я никогда в жизни не видел Фильса таким возбужденным.

Остаток этого дня и весь следующий мы провели, строя кровавые планы относительно лордов, а к вечеру Поккер признал нас к себе.

— Джентельмены — сказал он — нам необходимо достать русского графа, имеющего бороду. — Только русский граф и притом бородатый может заменить нам Гарриса.

Все мы очень смутились, услышав это, и я даже подумал, что старик наш от огорчения, наверно, помешался.

Когда мы капельку оправились, Гаррис собрался с духом и, как можно деликатнее заговорил с Покком.

— На кой чорт, старина, вам понадобилась, такая штука? И почему он обязательно должен быть с бородой?

— А длинный Том Брукс ядовито ввернул.

— Может, вы думаете, что русские графы растут на деревьях, как груши или какие-нибудь сливы?

Поккер на это замечание внимания не обратил и объяснил, что если

мы приведем в комитет настоящего аристократа, лорды обязательно растают и запишут его на место Гарриса, а борода нужна для того, что бы издали было видно, что это именно граф, а не Гаррис гребет на седьмом номере.

Тут в беседу вмешался наш массажист Фрейман, которого мы привезли с собой.

— Если вам, правда, нужен граф, так я вам покажу, где такого найти.

Все очень недоверчиво поглядели на Фреймана, но тот, ничуть не смутившись, продолжал.

— Ну да, я бываю в одном ресторанчике, и там самый настоящий граф танцует лезгинку.

Поккер сразу вскочил. — А борода есть? — деловито спросил он.

— Есть. Прекрасная черная борода. И потом, это не важно; за пять фунтов этот парень приклеет себе не то что бороду, а даже хвост.

От этих слов старик окончательно повеселел, и оба вместе с Фрейманом побежали искать графа.

Дальше все пошло, как по маслу. Граф оказался человеком замечательно покладистым. Он очень удачно соизмерил Детерлею о том, как с громадным успехом греб в России и совсем очаровал лордов своей родословной.

Конечно, никто из членов комитета и таланты графа не поверил, и нам любезно разрешил взять вместо Гарриса.

А борода есть у него?

— Можете себе представить их удивление, когда мы стали брать один предварительный заезд за другим.

Бедняга Детерлей (он, как говорят, на крупную сумму держал пари за Леандр) похудел за эти дни фунтов на пятьдесят.

После финала, когда мы зубами вырвали победу у Америки, половина из нас взяла Гарриса на руки, так, чтобы голова его не очень торчала, а остальные кулаками отгоняли публику и репортеров, пытавшихся нас чествовать. Ведь они могли повредить его удивительную, красивую бороду...

В этом месте какой-нибудь недогадливый слушатель всегда прерывал Хиггинса.

Вам дьявольски повезло, Томми. Ведь это просто чудо, что ваш граф действительно оказался гребцом.

Тут Хиггинс, прерывая рассказ, с сожалением глядит на спрашивающего и мягко говорит:

— Вы дурак, Джо (Питер или Майк, судя по обстоятельствам) седьмым номером так и оставался Гаррис, только... только мы приклеивали ему бороду.

— А граф?

— Графа Поккер просто запер на это время в раздевалке.

**Павел Низовой. КРЫЛО ПТИЦЫ. Рассказы. Стр. 251.
Цена 1 р. 50 к.**

Сила Низового — в изображении деревенского быта. Здесь он находит нужные, простые и крепкие слова, яркие, живые образы. Он глубоко и чутко чувствует деревню, и особенно деревню наших дней... Среди рассказов особенно выделяется «Крыло птицы», «В луговых просторах» и «Охотничье сердце». В первом рассказе... даны типы сибирских партизан, во втором действуют люди новой деревни, несущие в ее вековую темноту электрическое созвездие будущего; третий рассказ... подкупает изобразительностью, сочным рисунком охотничьих сцен, мягкостью пейзажа.

«Известия ЦИК» 10/ХІ—1926 г.

Московское Товарищество Писателей. Москва, Б. Полянка д. № 12. Тел. 85-51.

18 ДНЕЙ ЧУМЫ

ПОВЕСТЬ *Николая Лосцова.*

Глава первая.

Я сидел у своего бригадного врача — Николая Ивановича Звонарева. Помещался он в просторной избе. Тут же была и амбулатория и жил его помощник, маленький, юркий и похожий на шестнадцатилетнего юношу, врач Степан Александрович Титов.

Мы сидели за столом и пили чай с забайкальскими фигурными розанцами, хрупкими и рассыпчатыми. Вдруг дверь широко распахнулась, и на пороге выросла фигура красноармейца. Он был высокого роста, широкоплеч, с черными к низу усами и раскосыми глазами, отличительным признаком забайкальцев, смешавших свою кровь с монголами и китайцами.

Лицо у красноармейца было рябое, удивительно красное и походило на

созревший помидор, забытый на гряде и от времени покрытый шершавинами. Красноармеец первым заметил меня и, почему то смутившись, попятился к двери.

— Ты чего это, паря? — Врач Звонарев в нашей дивизии служил уже года три, дивизия за малым исключением состояла из забайкальцев, и у него создалась привычка с пациентами говорить на местном наречии.

— Д-да... Я... я... паря дохтур... — красноармеец опять взглянул на меня и осекся.

— Ну, что ты... Бригадный у нас не кусается. Говори смелей: — выручил его врач Титов.

— Я... Я... Паря дохтур... чумной... — выпалил неожиданно красноармеец и, вновь смутившись и, опустив глаза, тихо повторил:

— Право, чумной...

Он поднял голову и обвел нас своими раскосыми, с подозрительной краснотой, глазами.

Мы с Титовым переглянулись и испугано попятись от двери, в глубину комнаты.

— Ну брось, паря, откуда тут чума — проговорил Николай Иванович, укоризненно поглядывая на нас. — Брось... Расскажи-ка, что это с тобой... Да не бойся. Поди, ничего нет... — закончил он, пересаживаясь на ближайший к красноармейцу стул.

Титов подошел ко мне и прошептал на ухо:

— Лицо подозрительное...

— Да, как будто что то есть... — согласился и я.

— Как только мог он заразиться? Посты у вас несут исправно?... Я оглядел красноармейца в ног до головы и так же тихо ответил:

Я... Я... Паря дохтур... чумной...

— По моему надеяться можно. Но граница так велика, что...

После последних боев с остатками белых армий Забайкальского атамана Семенова, мне приказали перевести мою бригаду к Китайской границе. Я занял пограничный участок от китайского города Маньчжурия до нашего Нерчинского завода. По расстоянию мой участок был более 300 верст.

Людей в бригаде было тысячи две с половиной и в первое время нам более, чем когда, приходилось быть готовым к бою, так как, в соседнем с нами городе Маньчжурия разместились полуразоруженные китайцами группы белых. И во избежание случайностей, мне большую часть бойцов пришлось сосредоточить в нашем поселке Абогайтуй, который как раз был против города Маньчжурия и не далеко от китайских угольных копей Чжай-ланор. Охрана этих копей была сплошь из белогвардейцев, а они несколько раз делали попытки вторгнуться на нашу территорию.

Недавно мы узнали, что на копия Чжай-ланор, там, где работают семь с половиной тысяч китайцев-угольщиков, появилась чума. С копей чума перешла в Маньчжурию и поползла книзу по пограничной реке Аргунь. Рассуждая на эту тему и расспрашивая местных крестьян, мы с Николаем Ивановичем установили, что чуму разносят рабочие копей.

От страха заболеть и в надежде на спасение, они бросали работу и бежали или в Маньчжурию или на бакалейки и китайские пограничные посты, расположенные против каждого нашего поселка.

Это нас встревожило и заставило экстренно принять ряд крутых мер: во первых, мы усилили охрану границы и вменили в обязанность пикетным не вступать ни в какие переговоры с переходящими и, само собой разумеется, их на нашу территорию ни в коем случае не пропускать. Во вторых, мы закрыли границу и для наших местных жителей, имеющих по пограничным традициям, беспрепятственный проезд на Китайскую сторону.

На Китайской территории творилось ужасное: те из заболевших, которые надеялись найти спасение на еще не-

зараженных пограничных постах, бежали туда и несли с собой заразу. Чумы китайцы боялись больше всего. Они знали, что она неизлечима. Они помнили эпидемию 1910 года, когда в одном только Харбине умерло от этой болезни 10.000 человек.

9 февраля, за неделю до того, когда красноармеец вошел в комнату врачей, я узнал, что самый крупный китайский пограничный пост против нашего поселка Кайластуй, где у китайцев было около 20 торговых фанз, штаб полковника, начальника трех кардонов и командующего 112 вооруженными пограничниками, с территорией в 19 верст, не имеет охраны. А 10 февраля мне донесли, что на этом посту никого нет в живых. Впрочем, наблюдатели через час сообщили, что там виднеется несколько трупов то ли 5, то ли 20, точно определить было нельзя, так как над трупами пировали громадные стаи собак, а может быть, это были и волки.

10 февраля я, врач Звонарев и врач Титов создали второй экстренный по борьбе с чумой совет. Тут же мы наметили ряд изоляторов, используя для этой цели пустующие избы белых беженцев, сосредоточили в квартире врача весь контрабандный спирт, нашили халаты, рукавицы, футляры на сапоги, собрали санитаров, и врачи показали им все приемы борьбы с чумой. Я написал несколько листов строгих постановлений для местных жителей и чуть ли не запрещал им смотреть на Китайскую территорию.

Через день мы узнали, что и на более отдаленных от нас китайских постах, тоже нет признаков жизни. Но теперь мы надеялись на себя и были спокойны.

— Ну, чего ты, рассказывай. Поди, врачи все — снова проговорил Звонарев, подвигаясь вместе со своим стулом к красноармейцу.

Красноармеец потоптался, бросил новый боязливый взгляд на меня. Прикрыл рукой рот. Откашлялся и тихим больным голосом начал:

— Так это, паря дохтур. Лонись это мой братан. Я у него на фатере стою, у своего, Викулова. Ну он, того, сунтулой за границу смахал.

— Как же это стороной можно? — нырвалось у меня.

— Э... паря командир, пост сунтулой проехать плевое дело. Участок у нас на пикет с версту, а где и боле. Вот в ночь-то, как наши поглядят, что пикетные удобное место проехали, помыждут маленько и шасть за границу. Так вот и мой братан... У него там скот ходит.

лекарство кое-какое возьму и доведу тебя...

Красноармеец послушно повернулся и вышел. Мы сразу же вскочили на ноги и бросились к двери. Но Николай Иванович движением руки остановил:

— Что у него чума, я верю и не верю. Но пока не выходите. Вы, Нико-

Мы сразу же вскочили на ноги и бросились к двери.

(В Восточном Забайкалье хлеба никто не сеет,—не родиться, и жители занимаются исключительно скотоводством, и иногда, по особой доверенности с китайской пограничной властью и с нашего разрешения, они переводят скот на пастбу за границу)... Ну это с'ездил он. По дороге завернул в фанзу к приятелю. Китаец у него, бакалейщик, приятель был. Видит, его дома нет, а в фанзе разгром и посереде стоит трехпудовая банка с ханшиной и тут же кружка валяется. Ну мой-то выпить любил, зачерпнул. Хлебнул кружечки две, потом вспомнил о нас. Разыскал посудину, налил и нам привез. А после этого дела, через два дня он и представился. А я вот занемог. Горю что-то и все. Видать, он и чумную фанзу, не иначе как, попал. По этому, по его покойным словам, околось он видел... того... мертвечинных не много... Солдат этих китайских... Красноармеец обвел нас глазами и замолчал. Звонарев мигнул нам и обратился к нему:

— Вот что, паря, чумой, видать, в тебе нет. А в больницу тебя надо. Ты, того, выходи-ка на волю. Я за тобой,

лай Алексеевич, звоните к коменданту, чтобы посты выставить к дому этого Викулова, и вроде как арестовать там всех домашним арестом, да за одним и к тому, где он жил. А ты, Степан Александрович, сулемой пол вымой и дверь, где красноармеец стоял. А потом ко мне зайди, я в первом изоляторе буду, что ближе к нам...

Смутное чувство тревоги сразу же охватило нас. До этого мы никак не думали, что чума может попасть к нам. Мы надеялись, что меры с нашей стороны все приняты. И вот теперь мы не опустили рук перед опасностью, но все же немного растерялись. Мы не боялись, но трусили.

Я по телефону вызвал коменданта. Приказать выставить посты не было труда. Но высталяя их, мы натолкнулись на глухой ропот жителей:

— Нечего делать-то, чуму и придумали...

— Гляди-кося, в какой грязнице китайцы живут, потому и мрут, а они — чума...

— Вот они-то, большаки! Завоевали, а теперь всех поголовно и арестовывают.

— И не говори, и деток-то у Викуловых не пожалели; ну, какая, к примеру сказать, от грудного ребенка зараза. Лежит он себе в люльке и все...

Особенно негодовали женщины:

— Слышь-ка, бабонька, мужиков у Викуловых не было, бабы да девка... Так туды и армейцев... Пользуйтесь на благо...

— Ой, матушка, видать народу-то у них нехватки, так они и хотят заранее, хотя бы и от чужих народить...

— То же и у брата Викулова, там тоже бабье одно и три армейца. Поди дале-то баб с мужиками на одну постель будут арестовывать. Приау-мали же — всех в одной избе. И все это командер у них новый расейский...

Но не лучше встретили меня и красноармейцы. Те, что попали в карантин в доме Викулова и рядом. Они набросились на меня с винтовками.

Однако, выручил венком.

— Вы, ребята, не больные, мы о вас ничего не думаем, и не подозреваем. Но жители-то больно подозрительны на чуму. Посидите так, для их примеру...

— Ну разве к примеру, посидим.

Так что ль ребята? — согласился один из них.

— А кормить-то будут?

— Поди в наряд не пошлют? — поинтересовались другие.

— И кормить и поить будут. И в наряд ни в какой посылать не будем.

— Это дело. Вали ребята. Спи теперь...

Вечером, только что я успел лечь отдохнуть от первого чумного дня, как раздался тревожный звонок телефона. Я подошел. Звонили с линии железной дороги со станции Мациевской.

— Ви будите командири пограничной бригады, — услышал я голос с немецким акцентом.

— Я.

— Говорит с вами доктор Этмар. Я бактериолог. Я изучай чума. Я необходимо проезжай копи Чжани-ланинорин. Я хочу пропускать туда...

— Виза правительства у вас имеется?..

— Нет, виза я не имею, но я имею пропуски здравинотдели...

— В таком случае я не могу вас пропустить. Виза необходима. Придется вам вернуться в Читу и получить ее. — Но тут же я вспомнил, зачем ему изучать чуму на копиях, да еще в Китае, когда ее можно прекрасно исследовать у нас. Вот здесь в Кайластуре. Я крепче сжал трубку. Усилил голос и предложил бактериологу:

— Доктор, чума есть у меня в Кайластуре. Приезжайте, здесь виза не нужна. Даже пропуск не требуется.

— Неужели у вас имейся чума? О, это ошень карошо. Ошень карошо... Я езжай завтра к вам. Будьте мне любезны послать Мациевские станции три лошади. Три лошади докторе Этмар. О, как карошо, что у вас имейся чума...

«О, как карашо, что у вас имей чума...»

Через день мы все вместе с Этмаром, высоким белокурым мужчиной средних лет, в круглых металлических очках, раскапывали могилу Викулова. Мне все не верилось, что он умер от чумы. Это как будто подтверждал и заболевший красноармеец: у него был сильный жар. Он еле узнавал нас, когда мы приходили к нему, но однако был жив.

Выкапывая труп, мы узнали неприятную вещь. Оказывается, Петра Викулова хоронила и оплакивала вся его родня. А родня, по словам красноармейцев, у него было три четверти поселка. Мы сразу же попытались

узнать, кто был. Но жители смеялись над нами и упорно отговаривались незнанием.

Труп вскрыл доктор Этмар. Эту операцию он проделал тут же, на снегу, у могилы. Он быстрым движением обнажил у Викулова грудь и простым крестьянским ножом, так как мертвец порядочно промерз, вскрыл у него грудь и оттуда добыл часть легкого. С этой частью он удалился к себе на квартиру и минут через пятнадцать радостным голосом сообшил:

— Русский мужик умирает от чумы.

Я удивленно посмотрел на его улыбающееся лицо и вспомнил:

«О, как карашо, что у вас имей чума...»

Глава вторая

Следующий день весь был в беготне. То, что было, рассказывать слишком долго. Да и нет сил. Лучше я прочту несколько страниц из своего дневника, который я вел все время эпидемии.

17 февраля, 1921 года.

Пос. Кайластуя, Забайкальской губ.

Сегодня в изоляторе умер первый красноармеец. Тот самый, что пришел сам к доктору. Умер он, видимо, ночью. Утром, когда мы со Степаном Александровичем принесли ему провизию, он был уже совсем холодный. От него мы носили провизию в дом Викулова и рядом, где были приятели этого самого красноармейца. Они сидели в углу красные и насупившиеся. На наше приветствие ничего не ответили. Степан Александрович мне шепнул, что у них определенно чума. Под предлогом чистки оружия я отобрал от них винтовки. Эта мера на всякий случай.

В изоляторы и к подозрительным больным мы ходили в белых халатах, в парусиновых перчатках, в футлярах на сапогах и в масках. Без масок можно заразиться. Наши маски были удивительно примитивны. Они походили на первые тряпичные противогазы времен германской войны. В доме Викулова мы долго выспрашивали о посетивших умершего Петра. Но все как будто в рот набрали воды. Молчат, даже отворачиваются от нас. Только одна молоденькая девушка, довольно

красивая, с большой русой косой, как будто хочет что-то сказать нам. Но в двух комнатах избы, шестнадцать человек,— видимо, она боится. В соседнем доме двенадцать человек. Такое упрямое молчание тревожит нас. Нам необходимо до заболеваний открыть все чумные очаги. Иначе мы можем заболеть все.

В обед я получил от начальника дивизии телеграмму. Он накладывает на мою бригаду карантин и запрещает всем ездить к нам и, конечно, от нас. Подействовало неприятно. Я знаю, что это необходимо. Но можно было оградить себя от нас как-нибудь мягче. У меня есть части, которые от меня дальше, чем от штаба дивизии. Зачем им запрет? Однако для исполнения я отдал по своим полкам приказ, в котором запретил выезд с территории бригады.

Вечером я, врачи Звонарев и Титов и доктор Этмар сжигали первые два трупа: Петра Викулова и красноармейца. Санитары помогать отказались. Принудить их не было сил. Их физиономии так говорили о страхе, что мы махнули рукой. Мы долго позинлись с костром. В этой местности нет дров, топят аргалом,—навозом натурального изготовления. Сначала у нас он не горел, а потом, когда разгорелся, не охватывал трупы. И только часа через два он ярко вспыхнул, и мертвецы зашипели. А через четыре часа они уже смешались с пеплом аргала. Вот — был человек, а попал в огонь, и не отличишь от навоза.

После этой, первой черной работы у меня было чувство удовлетворения. Я исполнил свой долг. Доктор Этмар у этого красноармейца тоже вырезал легкие. Он их изучает. Но мне кажется, что все они одинаковы, и изучать у всех нет смысла. Видимо, он рассуждает по-своему. Потому и сидит над ними с микроскопом.

Обратно мы возвращались мимо двух оцепленных домов. На часах у Викуловых стоял молоденький красноармеец и старательно заглядывал в окно. Когда я дома рассказал об этом коменданту, он, улыбаясь, объяснил причину:

— Он с ейной Викуловой, племянницей, Нюркой женихается. Вы ее заарестовали. Вот они теперь и пере-

глядываются, а взойти боится. Хотя предупредил он меня,—жители, да и красноармейцы все еще не верят в чуму. Говорят, это ваша с дохтурами выдумка.

— Для какой же цели?

— А ни они и ни я этого не знаем...

18 февраля.

Сегодня день тревоги. На окраине поселка мы открыли три чумных очага. Все они оказались родственниками первого умершего. Даже фамилии у них одинаковые. Это тоже Викуловы. Жители, увидев, что начинают заболеть как раз те, кто был на похоронах Петра, указали нам всех, кто его посетил в день похорон. Пришлось выставить еще девять постов. Это к лучшему. У нас меньше тревоги за будущее.

В доме Викуловых умерли старуха и ребенок. Эпмар после анализа сообщил, что умерли они от чумы. Узнав это, красноармейцы всего штаба стали волноваться. И для того, чтобы дать больше надежды, мы всех красноармейцев, попавших в карантин, из подозрительных домов перевели в изоляторы. Хотели туда же перевести и менее подозрительных жителей, но боимся, что на всех не хватит изоляторов. Если в одном из них умрет кто-нибудь от чумы, изолятор для нас уже непригоден. У нас нет дезинфекционных средств.

Вечером там же, на берегу Аргуни, мы снова жгли трупы. Опять двоих: старуху и ребенка. Возвращались с этой работы прежней дорогой, мимо Викуловых. Там я снова увидел молоденького красноармейца. Как будто он со вчерашнего дня не сходил с поста. Командант мне пояснил:

— Он сам просится и чуть не заплакал, когда я ему объявил, что ему требуется отдохнуть. Как сним быть? Он наверное будет и завтра проситься?—

Что-ж. Пусть стоит. Видно любит. Хотя по всем чумным караулам отдан мой приказ, который обязывает часового не выпускать на улицу чумных, и если потребуется, то разрешено пускать в ход и оружие. Не хотел бы я быть на месте этого влюбленного Федорова.

19 февраля.

Удивительный день. Санитары категорически отказались помогать нам в какой бы то ни было работе по ликвидации эпидемии. Они заявили, что пусть их расстреляют, они умрут сразу, а от чумы помирать не хотят.

Он с сестрой Викуловой племянницей, Нюрой женится.

В штабе тоже работа стала. Утром, когда я туда захожу, писаря подходят ко мне и спрашивают, красные они или нет. Когда я говорю, что они совсем бледные, они не верят и начинают рассказывать, что тот или другой уже третий день горит, как в огне. Я обыкновенно щупаю пульс, пробую лоб,—все нормально. Конечно, их работать не заставишь. Все разговоры у них, да и у всех, только о чуме.

Теперь на нашей обязанности лежит кормежка всех подозрительных по чуме. Странное выражение: как будто чума и контр-революция одно и то же. В силу этих обязанностей я опять со Степаном Александровичем носил провизию Викуловым. Как только мы вошли, жена Петра бросилась на меня с криком:

— Я уже больная, и в этом ты виноват. Я скоро умру. Все мы умрем, так с нами умирай и ты? Она хотела сорвать с меня маску и плюнуть в лицо. Но Степан Александрович во-время оттолкнул ее так, что она упала на пол и сразу успокоилась.

Все мы умрем, так с нами умирай и ты.

За печкой у ней была люлька с ребенком. Там он всегда плакал монотонно и нудно. Сегодня плача не слышно. Наверное ребенок умер. По словам Этмара, дети умирают раньше взрослых. Инфекционный период у них короче.

Нюрка сидит попрежнему у окна и смотрит сквозь обледеневшие стекла на своего жениха. Он третий сутки несет свой любовный пост.

Сегодня Нюрка решила и спросила нас, как ей быть, чтобы не

заболеть. Степан Александрович дал ей маску, сулемы и объяснил, как пользоваться. Она сразу же нацепила маску себе на лицо и показалась в своем новом наряде жениху. Не знаю, как он на это отозвался, но глаза у ней были счастливые. Видимо, в этот момент был счастлив и он. Пусть надеется. Хотя, изучая эпидемию 1910 года, я не нашел ни одного случая, чтобы зараженные выздоравливали. А что она заражена, в этом мы не сомневаемся.

В соседнем доме умерли все красноармейцы. На краю умерло трое, и все они из фамилии Викуловых. У нас на сегодня семь трупов. Но сжигать мы будем только 4, что на краю. Для остальных не хватит топлива. Хотя мы уже добыли дров. Нам сослужил службу один сарай, оставленный белогвардейцами. Вот тут мы извлекли пользу от белых.

20 февраля.

Настроение паршивое. Вчера измучились до изнеможения. Очень труд-

но было сложить мертвецов на дрова. Но не легко было и складывать костер. Этим делом занимались я и Николай Иванович. И только мы хотели его поджигать, как прискакал один пикетный и сообщил, что не далеко от границы валяется какой-то человек. Мы пошли. Оказался мертвый китаец, приготовленный для похорон, по китайскому обычаю, т. е. закатанный в новую материю. Мы уложили его рядом с нашими трупами. Как странно — «наши» и «чужие» трупы.

Когда я это пишу, за окном воет ветер. Он также выд и тогда, когда мы жгли мертвецов. Я знаю, что он сегодня дует с Китайщины. Может быть, это он несет нам чуму. Пикетные рассказывают, что туда, на китайскую сторону, каждый день бегут волки, как-будто у них там сборище.

Теперь, когда я прихожу домой, мои хозяева отскакивают от меня, как-будто я — сама зараза. А когда я ложусь в постель, хозяйка моет сулемой под моей дверью пол, и трет дверную ручку. Как странно, а раньше хозяйка первая кричала, что это мы придумали чуму, а ее нет и не бывало. Все мы врем. А вот теперь ни она, ни ее муж, старый пожилой казак, и не подходят ко мне. Раньше же он сидел целыми днями. Даже мой ординарец Федор и тот исчез куда-то. Говорят, отправился на хозяйскую заимку, за мерлушками для моей шапки. Но шапка у меня есть и мерлушки мне совсем не нужны. Я прекрасно чувствую, что меня, Звонарева и Титова считают источником заразы. Нас теперь все боятся. Так, что моим хозяевам простительно. Красноармейцы меня избегают и не говорят со мной. Странно, даже ничего не требуют, хотя я знаю, что у меня не хватает обмундирования, обуви, нет хлеба, мяса. Мы уже около двух недель на довольствии местных крестьян. Раньше мне не давали проходу. Жаловались все — и красноармейцы и местные жители. Штаб мой совсем стал. Помощник и врид начальника штаба, старый вояка и старый член партии Котов, каждый раз твердит мне, что у него жар выше 43 градусов. Я уверяю, что такого жара у человека не бывает. Он обижается и отходит от меня. И странно смотреть на него, старого боевого

партизана, никогда не терявшего голову в боях, теперь растерянного и пугливого.

Мой комиссар, Гиталов, бывший украинский боевой водитель отрядов. Ходит хуже, чем мой помощник Котов. Избегает и меня и врачей. Как только завидит бричку Звонарева и Титова — они ездят на двухколесной американской повозке — так сразу скрывается в первых воротах. Я несколько раз просил его помочь нам

Дом Вихуловых мы не посещали два дня.

сжигать чумных и кормить подозреваемых, он отмахивался рукой и говорил, что занят культработой. Не знаю, что за культработа у него, — клуб закрыт и всякие собрания запрещены. Но что поделаешь, чумной фронт, не фронт войны.

Когда я захожу на телеграф, телеграфисты с удовольствием уступают мне аппарат и ключ. Но говорить по Морзе я не умею и все равно им самим приходится передавать мои сводки. А сводки у меня не обыкновенные. Я каждый день доношу в штаб дивизии о состоянии моего чумного фронта. Так, на сегодня мое донесение было следующего характера: «Заболело за 20/II чумой 22, умерло 7, сожжено 5, из них один китаец. Настроение тяжелое. Ждем белья, мыла и культработников. Необходима агитпропаганда среди красноармейцев всех полков.» Многие боятся приезжать в штаб бригады.

И так каждый день. Я каждый день доношу, говорю и думаю о больных, об умерших и сожженных. Иногда мне кажется, что я схожу с ума. Когда я выхожу из телеграфа, то телегра-

фисты и телефонисты моют сулемой те места, где я стоял и к чему прикасался. Об этом я знаю потому, что обо всем, выписанном из нашей аптеки докладывается мне. И для того, чтобы не затруднять их и расходовать меньше сулемы, я экономлю и своих движениях. Я стараюсь шире шагать и ни к чему не прикасаться.

Доктор Этмар ходит, как именинник. Это у нас единственный человек, которому чума принесла пользу. Он целыми днями сидит над своим микроскопом и более интересное показывает нам. Впрочем это и единственный человек, который не боится нас. Но толку от этого мало. Я чувствую, что со мной творится неладное. В обед, вечером и перед сном я начал пить. Я пью чистый маньчжурский спирт, прямо так, не разбавляя его. Моя мера 150 грамм. Но удивительно,—спирт совершенно не действует на меня. Я не хмелею. Я не могу даже забыться, как бы этого ни хотел. Когда я возвращаюсь после обхода чумных домов или изоляторов, или сжигания чумных трупов, то мне кажется, что чумные прикасались ко мне. Иногда кажется, что при сжигании, соус чумных попал на меня. И вот, когда я остаюсь один в своей комнате, которая выходит окнами на Аргунь, мне кажется, что я уже заболел чумой. У меня сразу же появляется жар. Я нервничаю. Ставлю себе термометр и тогда мне опять кажется, что он испорчен. Он всегда показывает 36 и 5, или 36 и 6. Какое безобразие. Я прекрасно чувствую, что жар у меня отчаянный. В такие моменты я звоню к Николаю Ивановичу и говорю, что он нарочно подsunул мне худший термометр. Врач смеется и в телефонную трубку уверяет меня, что у меня заграничный и самый лучший градусник.

Ночью я не сплю и часто переговариваюсь со Степаном Александровичем: с ним я откровеннее. Он мне сообщает, что он тоже пьет и пьет чистый спирт. И также не хмелеет. Он уверяет, что в этом виноваты нервы.

22 февраля

Дом Викуловых мы не посещали два дня. Было так много работы, что в том конце мы почти не бывали. На окраине появилась чума и двух новых

домах. Один из них не из Викуловых. Нас это так озадачило, что мы все эти дни дознавались, откуда же занесли болезнь. Оказалось, что кто-то из детей играл с детьми фамилии Викуловых. Вот так, видимо, чума и попала к этим, кажется, Сафроновым.

И вот, когда после двух дней отсутствия, мы вошли в дом первого Викулова—неприятный, какой-то удушливый и спертый запах ударил нам в лицо. У порога мы чуть было не споткнулись. Перед нами, в обеих комнатах, лежало четырнадцать трупов. Лица у всех были искажены, руки прижаты к правым бокам, на которых они и лежали. Степан Александрович со слов Этмара объяснил, что правое легкое при легочной чуме поражается первым.

Среди этой мертвецкой был один живой человек. Этим живым человеком была Нюрка. Она сидела в маске и в той самой позе, в какой мы ее оставили у окна. Я подошел к окну и заглянул на улицу. Там я думал увидеть Федорова. Но его не было. Вместо него недалеко от дома ходил другой—бородатый красноармеец. Этот не обращал никакого внимания на Нюрку. Увидев нас, она не сказала ни слова. Даже в глазах мы не прочли ни радости, ни другого какого либо чувства. Видно, она успела привыкнуть со своим необыкновенным положением. Мы с Николаем Ивановичем долго изучали ее лицо. Красноты на нем не было. И оставлять ее среди этих разлагающихся трупов не было смысла. Мы решили перевести ее в изолятор. Степану Александровичу пришлось съездить за сулемой, губкой и больничным халатом. Когда все это было готово, Николай Иванович заставил Нюрку раздеться. Она без всякого смущения стала около дверей и скинула с себя все, оставив одну нижнюю рубашку. Николай Иванович потребовал снять и ее. Нюрка покорно посмотрела на нас и без возражений сняла рубашку. Затем мы вывели Нюрку на крыльцо. Степан Александрович стал перед ней на колени и принялся обмывать сулемой нижнюю часть Нюркиного тела. Голову, плечи и грудь обмывал Николай Иванович. Сначала она дрожала, мороз был градусов 15, но потом ее немного

смугловатое тело, красивое, с девственной грудью, прекрасным тазом, покрылось еле заметной чешуей, и она стала стоять без дрожи.

Вдруг сзади кто-то крикнул. Я соскочил с крыльца и увидел, что к дому подошел Федоров, но часовой задержал его. Это меня обрадовало. Я оглянулся назад. Там уже Нюрка была одета в больничный суконный халат, в старые, где-то добытые Степаном Александровичем унты и в громадную шаль. Узнать в ней Нюрку было нельзя. Да к счастью в это время Федоров зачем-то повернулся к Аргунь. И мы ее провели незамеченной до самого изолятора. Но все же мне было от души жаль Федорова. Видимо, он сильно любит... Нюркин изолятор был на горе, под которой текла Аргунь. Тут у нас по ночам постоянно горел костер из человеческих тел.

Поздно вечером мы затащили в дом Викулова всех тех чумных, какие у нас умерли за последние дни, и подожгли дом. Он горел, как церковная свеча. Ветру не было. Это удивительно подходящий для нашего жертвоприношения день. Я стоял около самого дома и наблюдал за ним. Огонь попола вначале по стенам и сразу же залетел на крышу. Она была из сухого камыша и мигом сгорела. За ней рухнули стены, и черные клубы дыма окружили этот громадный костер. И все время, когда горел дом, из огня высывались вверх то руки, а то человеческие ноги. Досужливые языки сзади трепали, что мы сжигаем живых. Они даже слышали из огня стоны. Но ни один из этих сплетников не замечал, что доски и бревна,

подгоревшие на огне, валяются и подкидывают руки и ноги покойников.

В 11 часов вечера я проверил посты. Их у меня 32 и все у чумных домов. Пришлось подтянуть часовых. Все они были поставлены в пяти—шести шагах от чумных очагов, а на месте они оказывались на противоположных концах улицы. Как только я подходил, часовые нерешительно

Голову, плечи и грудь обмывал Николай Иванович.

вставали туда, где им приказано стоять. Но после того, как я отходил, они брали винтовку на изготовку и отбегали на прежнее место, на противоположную сторону улицы. Винтовку же направляли на чумный дом. У них в глазах был страх. А все они лучшие бойцы нашей дивизии. Вот и пойми.

Из моих полковых штабов три дня уже нет ординарцев. Когда я делал командам нагоняй, они откоро-

венно сознались, что ко мне никто не едет. Что с ними делать? Я потребовал, чтоб в таком случае явились полковые адъютанты. Я считаю, что чума у нас вся на учете и мотивов для паники нет. Ведь живу же я здесь.

24 февраля.

Узнал неприятную новость. Дезертировал мой комиссар бригады Гиталов. Это меня поразило. Мы только сейчас припомнили все моменты, когда Гиталов старательно избегал нас. Исчезновение военкома сразу же взбудоражило моих партизан. Я хотел было сыграть на том, что он уехал по делам, но его многие видели за поселком. Гиталов, даже некоторым, говорил, что в Кайластуе оставаться нельзя: там обязательно все перемерут. Не понимаю, как он мог сморозить такую глупость.

Гиталов первый дал толчок к дезертирству. После этого через несколько часов меня уже вызвали на собрание. Когда я вышел на улицу, там стояла громадная толпа бойцов. И странно, все они стояли, не касаясь один другого. Увидев это, я улыбнулся — это был компромисс первого чумного митинга. Чтобы не заражаться, кто-то их расставил с интервалами. Меня сразу встретили криками:

— Комиссар сбежал и ты сбежишь, мы одни останемся.

— Уморить нас хочешь.

— Тебе что, ты росейский, к вам она непринипучая.

— Трусы вы! Первым комиссар побежал. Разве на фронтах так...

— Вон из комендантской команды за комиссаром трое армейцев убежало. Ежели нас не отведешь отсюда, так все мы раздезертируемся. Лови тогда.

Голоса у всех были взволнованные. Лица возбужденные.

Я понял, что если сейчас с ними не справлюсь, они бросят посты и самовольно уйдут из поселка.

— Стой, ребята, — закричал я, перебивая недовольных. — С этого места, с боевого участка, никто не смеет уйти без моего разрешения.

— А комиссар твой?

— Комиссар теперь уже не комиссар. А с сегодняшнего дня комиссаром в бригаде я; его же и тех, кто дезертировал за ним, я арестую.

— Да можешь ли ты военкома заарестовать.

— Ну, это мое дело. Я вам определенно говорю, что дезертиров у меня не будет. А теперь давайте поговорим, что будет, если мы уедем из Кайластуя и бросим посты. Помните, что чумные последние дни перед смертью ничего не понимают. Мы снимем посты и они разбегутся. Поедут на заимки. Мы отойдем от них верст на 30, даже на 70 — они все равно нагонят нас. Посмотрите, что сделалось напротив нас, в Китае. Там все бакалейки и посты передохли. И только оттого, что дали разойтись в одном месте. Помните, тогда не спастись не только нам, а не спасутся и ваши жены, отцы, матери и дети. Вы здесь все забайкальцы. Помните, спасение ваших семей здесь — в Кайластуе. Понятно?

— Да, пожалуй и так...

— А с комиссаром-то как?

— Да сказал, что арестую. Вон и комендант. Снаряжи-ка, паря, пять человек с заданием привести сюда комиссара.

— Это вот дело. Расходишь, робя!

И они разошлись. Но я сразу опустился и не знал, что мне сию минуту предпринять. Минуту назад у меня хватило смелости отдать приказ об аресте комиссара. Но сейчас я не знал, что делать. Сейчас я усмирив здоровых. Но факт поголовного дезертирства теперь уже стоял предо мною. Я понял, что заболел я или кто-нибудь из врачей, все мои партизаны, во главе с командирами, бросят Кайластуй и разбегутся по домам. Но мне нужен был и второй шаг, и я его сделал.

Ночью я донес о случившемся начдиву и военкомдиву. Они долго меня выспрашивали, нельзя ли не арестовывать Гиталова. Тогда я спросил: что делать с теми, которые бросают чумные посты и бегут из бригады? Ответ был — расстреливать. И я то же посоветовал им сделать с Гиталовым. Это была необходимость, как пример всей бригаде. После разговора с начдивом я собрал ячейку, и они единогласно присоединились ко мне. Жаль, что членов партии у нас очень мало и почти все они телеграфисты, т.е. самые ответственные работники. Их

нельзя снимать с постов. Связь — самое необходимое при боевых действиях. А сейчас почти фронт. От военкомдива я вновь требовал культработников — говорит, что высылают.

Ночью, когда я лежал на своей постели, меня трясло, как в лихорадке. Я боюсь, что у меня не хватит силы воли, чтоб сдерживать этот партизанский и чумный напор. Полчаса тому назад я, уткнувшись лицом в подушку, рыдал, как маленький. И это после сегодняшнего дня. После отдачи приказа об аресте военкома. Если вы спросите, почему я плакал, — я вам не отвечу. Но после мне стало легче. Здесь я один. Совета или участия никто мне не даст. О поддержке и говорить нечего.

Того, что я испытываю здесь, со мною никогда не бывало. А за свои 22 года, я 13 месяцев просидел в тюрьме у белогвардейцев, в германскую войну я получил четыре раны, за гражданскую имею уже одну рану и одну контузию. Но ничто я не сравниваю с чумной эпидемией: это худшее, что можно было бы придумать.

За окном у меня воет ветер. Сегодня он опять дует с Китайщины и наверное снова несет на нас чуму. Вот сейчас здесь я вновь чувствую, что у меня жар, и я снова украдкой от моих хозяев и ординарца — он уже вернулся, но ко мне в комнату не входит, — ставлю себе градусник. За эту ночь я его ставлю уже третий раз. Мне упорно кажется, что чумные дотрагивались до меня. Ведь за ними уследить трудно. Они знают, что с жизнью у них покончено. Спасения нет. Поэтому они хотят, чтобы с ними умирали и те, кто здоров. Такова их психология... Вот ветер завывает снова. Я лежу на постели в сапогах и одетый. Но почему вой ветра так похож на вой волков? Может быть, они уже здесь, перебежали с Китайщины и ждут своей порции от нас?..

Глава третья.

Вчера я долго не мог заснуть. Но, видимо, под конец задремал. Так как Федер мне рассказывал, что в мое окно стучали минут пятнадцать. Когда я спросил:

— В чем дело?

Мне ответили:

— Командир 8 полка Димов вызывает.

Но почему Федор не разбудил меня сразу. Впрочем я уже чумной, и он меня боится. Однако я взял трубку, прислушался:

— Товарищ командир, это вы?

— Я.

— Вы живы... не больны?

Я пощупал у себя голову. Потом пульс. Все нормальное. Стало-быть у меня нет чумы:

— Нет, я жив и здоров. А что?

— Да вот ко мне прибежал начальник ремонтной колонны. Я сегодня нашел его у себя в поселке. Он говорит, что когда проходил Кайластуй, то тот был весь в огнях. И с ним никто не стал разговаривать. А когда он пробовал попроситься ночевать, ему везде отвечали, что дом чумной. Так он ни одного дома у вас не нашел здорового.

— Ну, а дальше-то что?..

— Ну что? Он и у вас был и вы ничего не сказали. А посмотрели так, как будто у вас у самого чума. Врет он это или нет.

Я стал припоминать. Да, как-будто что-то было: когда мы сжигали дом Викуловых, ко мне кто-то подходил и говорил относительно того, что приехал ремонтировать телеграфную линию. Но что я ему ответил? Не помню. Возможно, что «не мешайте, видите, здесь кругом чумные»...

— Передайте ему, что он врет, — кричу я в трубку. — Передайте, что он струсил, вообразил, что здесь все чумные, и убежал. Дезертировал.

— Товарищ командир, а вы-то здоровы?

— Здоров, — я сержусь и снова щупаю себе голову и уже уверенно кричу, — здоров так, что наверное здоровее вас!

— Товарищ командир, а как сведения по форме № 3, послать?

— Шлите, — я бросаю трубку и снова валюсь на постель. Но не успеваю закрыть глаза, как в окно новый стук.

— Кого там чорт носит? Входите!

Входят два красноармейца и с ними китаец. Сзади них выглядывает испуганная физиономия моего ординарца.

— Что это?

— Товарищ командир, — докладывает один из них. — Так что его мы запикетили на самом нашем территориальном месте и никак его кося морда не хочет уходить обратно. И, даже, выстрелов наших не пугается. А может он чуму с собой несет. Кто его знает. Вы бы выяснили. Вы, поди, знаете, с ними возитесь.

Я тру руками глаза, щупаю себе лицо. Нет, это не сон. Китаец с чумной территории у меня в комнате. Вот он бесцеремонно садится на стул. Вот кладет рядом с собой маленькую котомку. А мой Федор, высунув руку из-за двери, льет на пол и на дверную ручку сулему. Все это так реально, что я уже понимаю, что не сплю.

— Зачем ты перешел границу? — Я хочу быть строгим, но голос у меня глухой, слабый и какой-то несчастный.

— Моя капитана шибко нельзя сердить. — Губы у китайца толстые, мясистые, глаза маленькие, узкие, как будто в них налито масло, они блестят и прыгают по сторонам. Он встает. Плечи у него узкие, а сам он длинный. Похож на рюмку. Он снимает шапку, волосы у него подстриженные и седые. Он кланяется, потом вытягивает ко мне подбородок, на самом кончике его подбородка узенькая, крохотная борода и к ней из-под приплюснутого носа лезут усы.

— О, капитана, моя ходи к тебе. Моя помирать не хочет. Там все помирай, — указывает он рукой на Китай.

— А мы-то умирать хотим? — Мой голос уже истеричен. Я это замечаю и более спокойно спрашиваю: — Откуда ты идешь?

— Моя ходи копи Чжай-ла-нор...

— Что? — вырывается дико у меня и затем я вижу, как мои красноармейцы в панике бегут из моей комнаты. Вот их шаги слышатся под окном, вот они бегут дальше на улицу, вот они уже скрипят снегом. И тут же моя дверь прихлопывается и за ней что-то льют на пол. И я знаю, это моя хозяйка или Федор опять льют на пол сулему.

Это меня успокаивает. К этому я привык и сразу же становлюсь спокойнее. Даже думаю: надо запретить выдавать Федору сулему. Так они могут растратить весь наш запас.

— Моя капитана, живи, брата копи. Мой хочет работай там. Там все помирай. Один чума пропади Маньчжурин, другой копи, третий пропади вашего Нарына... Моя помирай совсем не надо. Ваша русский сторона я буду жить. Я буду опять красный солдата.

Китаец поднимает снова на меня голову, но его глаза на меня не смотрят, они опущены в пол и почему-то начинают слезиться.

Я подхожу ближе и разглядываю его лицо. Как-будто красноты нет.

— Твоя жар есть?

— Что жар?

— Твоя голова болит?

— Нет, моя голова совсем хорошо, — трясет он волосами.

— Давно ты ушел с копей?

— Моя... — он начинает считать по пальцам. Пальцы у него узкие, смуглые, но не желтые. Ногти на них большие и грязные. Он пригибает пальцы с мизинца. Прижимает один, поднимет вверх лицо, уставит на меня свой клинышек бороденку, подумает и затем пригибает другой.

— Моя... ходи день, три, семь... — слово семь он говорит как-то безразлично, как-будто он или врет мне, или должен сказать «восемь».

Потом он повторяет:

— Три... семь... — и заглядывает ко мне в глаза. Зрачки у него узкие и острые, и кажется мне, что они походят на тонкие гвозди. Мне становится неприятно. Я отворачиваюсь и отхожу в сторону. Тут же вспоминаю, что надо наказать красноармейцев, но как их найти. Я не знаю их фамилий. Даже сейчас не помню их физиономий. Все же сначала надо переговорить с Звонаревым.

— Дайте бригаврача.

— Есть, — дежурит телефонист Петров, он раньше служил во флоте и всегда отвечает по-морски. Я беру за ручку и звоню. Телефон у меня походный, ящиком. Ручка часто срысывается и прищелкивается к боку. Я не люблю эти новые индукторные телефоны. Фонические лучше.

Однако слышу:

— Вам кого?

— Николай Иванович, Вы?

— Я.

Я объясняю ему все, и прошу увести от меня этого, возможно чумного китайца. Он отвечает, что нет изоляторов и совершенно не знает, куда бы его можно поместить. Потом Николай Иванович спрашивает меня, а давно ли китаец вышел с копей. Я отвечаю. Он говорит, что инфекционный период чумы семь дней. Если китаец не врёт, то мне нечего бояться. Хочу поверить, но боюсь. Смотрю на китайца, он уже засыпает. В это время в телефоне слышится голос Этмара. Сначала не могу понять, как он мог попасть в нашу линию. Потом вспоминаю, что это у нас бывает.

— Доктор, зайдите ко мне, исследуйте — я его почти умоляю.

— Хорошо, иду — голос у Этмара спокойный. Становлюсь спокойней и я.

Через полчаса появляется его высокая фигура. У него под мышкой микроскоп. До него, я с китайцем не произнес ни слова. Мы оба почти засыпаем. Я на постели, а он на стуле у дверей. Этмар требует от китайца, чтобы тот плюнул и дал ему капельку крови. Китаец долго не понимает. Этмар показывает, для чего ему это нужно. Он берет микроскоп и сует его китайцу в нос. Тот утвердительно кивает головой и дает требуемое. Дает требуемое? — Вернее плюется на кусок бумаги, подставленный Этмаром, и потом докторским ланцетом чуть разрезает руку. Он улыбается, и протягивает доктору пленку и каплю крови. Доктор вытаскивает какие-то стекляшки и переносит то и другое на них. Потом устанавливает микроскоп и смотрит в него.

Я наблюдаю за его лицом, один глаз удоктора прищурен, над другим три громадных складки. Его лоб тоже

весь в складках. Он смотрит так как-будто хочет сам влезть в микроскоп. Иногда на его голове кожа и волосы двигаются. Я стараюсь опре-

Он пригибает пальцы с мизинца.

делить, что у него там под стеклами: чума или нет. Спать уже я не хочу. В голове одна мысль — не заразился ли я.

Но в это время Этмар поднимает лицо.

— Карашо, очень карашо.

Я уже не раз слышал это «Карашо». Начинаю волноваться и в упор смотрю на Этмара. Этмар улыбается и молчит. Я начинаю сильнее нервничать.

Наконец, он повторяет:

— Карашо, очень карашо.

— Да толком вы мне говорите.

Я готов его побить. И он это чувствует.

— Он ничего не имей. Он не имей чума — произносит он с сожалением, собирает свои инструменты и уходит.

Я показываю китайцу рукой на противоположный от меня угол и горю:

— Ложись и спи.

Китаец мотает головой. Видимо, у них не принято спать в одной комнате с начальством.

— Спи — повторяю я. Потом сразу же наворачивается мысль: а что, если его перенести куда-нибудь. Но куда? Все равно его никто не примет, это я знаю прекрасно. Но китаец уже лег и я чувствую, что он заснул. Я подхожу к своей постели, снимаю сапоги и тоже ложусь.

Слышу: на крыльце кто-то ходит. Поднимаю голову — в стекло заглядывают две физиономии. Я вскакиваю. Сразу же передо мной встает китаец.

— Откуда он?

— Моя здравству, капитана. Хорошо сыпи? — Китаец наклоняет голову и сгибает передо мной спину в синей делевой куртке.

— Ба, да это вчерашний перебежчик. — Я пылливо всматриваюсь в его лицо. Оно нормально: желтоватое и чуть грязноватое. У левой лодыжки китайца родинка. Вчера я ее не видел. Но что это? Его родинка с чуть заметной синевой. Впрочем видимых признаков чумы вообще не имеет. И я напрасно так усиленно ее рассматриваю.

— Товарищ командир, мы отдохнули.

Я еле разбираю голоса. Они кричат из окна. Я злюсь и машу им рукой, чтобы они вошли в комнату. Но красноармейцы отрицательно мотают головами.

— Товарищ командир, дохтур зовет.

Они виновато улыбаются и кричат еще что-то. Но что, я не слышу. Это злит меня еще больше. Я срываюсь с места и выскакиваю за дверь. Увидев меня, красноармейцы бегут. Однако я узнаю: — это санитары Звонарева.

— Товарищ командир, на телеграфе чума. Телефон не работает. Дохтура там, и вас зовут. — Они кричат это мне с противоположного конца улицы. Но что с ними сделаешь? Я лишний раз убеждаюсь, что меня все боятся.

Меня это бесит, но я сдерживаюсь, поворачиваюсь и ухожу к себе в комнату, а из окна я вижу, как они, обрадованные, бегут, но не к доктору, а на другой конец поселка, видимо домой. Вот, думаю, и поработай в такой обстановке.

Китаец же уже завернул свои вещи и засунул их в передний угол под хозяйские иконы. И только сейчас я заметил, что перед иконами не горят лампы. Обычно они горели день и ночь. Как будто это были неугасимые огни. Я смотрю на лица угодников и неожиданно дико хохочу.

— Капитана, зачем? нехорошо смеяться бог, — возмущается китаец. Он удивленно смотрит на меня и отходит к двери. Я машу на него рукой. Он ничего не знает. Да ему этого не понять и объяснить не стоит. Но я-то помню, что до чумы мои хозяева отличались особенной религиозностью. У них во всех углах были неугасимые лампы. А теперь...

— Товарищ командир, как, чайку-то вам надо?.. — Я перестаю смеяться, и поворачиваюсь к двери. Оттуда выглядывает удивленное лицо Федора. Ко мне он не проходит. Но чайник у него в руках и он его ставит около порога.

— Вали-ка, ходя, пей чай, да меня подожди скоро приду.

Китаец широко улыбается и тут же садится за стол.

Глава четвертая.

Телеграф и телефонная станция у нас на краю поселка. От меня версты полторы. Я вскакиваю на своего карего, прижимаюсь к его шее и несусь карьером. Холодный воздух щиплет мне щеки. Сегодня я не умывался. Что-ж, умоюсь воздухом. Вот мне стало и свежее. Но зато у меня начинают мерзнуть пальцы. Странно, но мне это приятно. Вот и изба телеграфа. Я спрыгиваю с коня, заматываю повод о старый плетень и подхожу к избе. Перед ней часовой и толпа народу. Тут же и американка докторов. Это говорит мне, что врачи здесь. Бросаю взгляд на окна. Сквозь заставшие стекла выглядывают испуганные лица телеграфистов. Одного из них, широколицого Тихонова я

узнаю. Он почему-то машет мне рукой.

— Глядикось, бригадный-то какой пряткий. Ну, сегодня нарвется, без маски не сунется, да и халата на нем нет...

Голос из толпы. Я не оглядываюсь и подхожу к часовому.

— Да дьявольщина его узнает. Он везде лазит...

— Что узнает?..

— Да бригадного-то. Вот ведь во все дома он заскакивает и не боится. Сиди у него китаец спал. Вмestях с ним. А глядикось он тут уже, и без чумы. А китаец, говорят, помер ночью...

— Ну, он-то российский. К ним не прилипчива...

— Сказал, к другим прилипает же...

— Ну, еп, говорят, спирт шарашит чистоганом...

— А ты вот сколь лет шарашил также, а вот зачумеешь...

— Глядикось, вот он, сейчас сдрейфнет...

Я знаю, толпе только дай материал. Они и чешут языком. Больше и голо-рить нечего. Однако я действительно не знаю, заходить мне или нет...

Но тут выручает Степан Александрович. Он подходит к окну и я вижу: лицо у него без маски. Я смело перешагиваю плетень и вхожу. Сзади раздаются:

— На-ко, возьми-ка его...

— Что это у вас?

— Да, Николай Алексеевич, комендант перепутал, — объясняет мне Титов. — Ночью один из телефонистов где-то нализался. Жар у него поднялся. Они и вообразили, что у того чума. Сразу весь телеграф и оцепил. А те прекратили работу. Вот смотрите на них...

— Где комендант?

Его не оказывается. Кто-то бежит за ним. Но в это время стучит морзе и слухач Тихонов сообщает, что начдив требует меня к аппарату. Я подхожу.

— Почему вы целых 13 часов не отвечали нам. Что за чума на телеграфе?

Я наклоняюсь к аппарату и диктую. Сначала объясняю всю историю и потом заканчиваю:

— На 27 февраля в изоляторах 76, больных 54, умерло за сутки 14. Ки-

тайцы подбросили нам своих 8 трупов. И всё еще нет культработников. А они необходимы.

Однако начдив не удовлетворяется и требует, чтобы мы приняли шифрованную телеграмму. По началу я вижу, что это оперативный приказ. Однако ждать конца его передачи нет сил. Телефон уже восстановлен. Я звоню в штаб — никто не отвечает. Я звоню снова. После звонят телефонисты, наконец слышу:

— Кто?..

Я отвечаю:

— Дайте из штаба кого-нибудь.

— А?..

— Из штаба дайте кого-нибудь.

— Кого?..

— Да из штабных, переписчика или кого другого.

— А?..

Я выхожу из себя и в трубку посылаю отборную ругань. Сразу же к телефону подходит Астафьев, один из моих помощников и как раз заведующий шифрами. Я приказываю ему немедленно явиться на телеграф и расшифровать оперативный приказ. Потом сажусь на карего и снова мчусь домой.

Китаец встречает меня, как старого приятеля. Наливает мне чай и понт. Видимо он его несколько раз подогревал, потому что тот горячий. Потом сует мне в руки кусок какой-то бумаги.

Разворачиваю. Вижу корявый почерк.

«Так что, товарищ командир. Вчера ваши врачи меня, подехамши на своей американской телеге о двух колесах, заарестовали и засадили в одиночную камору. Так как она моя Нюрка тоже заарестованна и сидит в другом месте. А я хочу ежели помирить так спарившим». — Хочу бросить бумагу, чувствую, что письмо от больного. Но потом думаю, раз я его уже взял в руки — надо дочитать. — «Хотя мы до сегодняшнего дня с ней не спаривались. То врачи и дохтура твои, командер, вредные на вовсе люди и даже наверное от белых. Берут за жабры и говорят, в тебе чума и никаких резоний не принимают. А уж этих резоний я им говорил разные. И какая во мне может быть чума, если заболел к слову сказать, в нашей избе один человек, даже не человек, а баба,

и старуха. И какое мне и моему телесному положению, ежели эта старуха подошла и при том на полатах. Ей же отроду было 86 лет. И ей давно помирать пора и так. Я сам на полати туда лазил и, как не разглядывал, чумы в ней никакой не признал. А опытность в этом деле у меня не меньшая, чем у твоих дохтуров. Поэтому, чума у нас с ними началась вместе, и я все время наблюдал за ней, как я стоял бессменно на чумных часах.

Вот Нюру, Нюрочку я и хочу иметь около своего боку и пушай она и я будем глядеть друг другу и не наглядимся. Как будто между нами ничего не было. А ту старуху твои дохтура сволокли и положили в железный на саних ящик, апосля же крупным наметом заволокли куды-то на гору.

Эти ваши изоляторы плохи. Потому избы у белых ране строились бравые, а теперя все растащили и не знамо кто. Хотя у всех красных жителей с белых поделаны новые стройки. А у меня в пазах даже нет мертвых тараканов. И здесь я на воле один. У Нюрки же изба хорошая, а думаю я, не хорошо одной девке спать с двумя армейцами. Как они лежат, я не знаю и думать на этот счет не хочу. А мое партизанское суждение, потому она не даром все мне окна проглядела, любить должна крепко. Мои теперя слезы льются и просятся до твоего командирова распушения, уж ежели мне сидеть от чумы так в одном с ней изоляторе и вмести. А та старуха помирала на правом боку и до смерти мне совет давала — женись на Нюрке. Моя слеза вся до Нюрки, а не до тех армейцев, которые с нею пользуются. И не понимаю я, что вы делаете, а человек вы должен хороший. К симу подписался красноармеец и старый партизан из дивизии Якова Николаича — Петро Федоров».

Я посмотрел на китайца и брезгливо бросил письмо на пол.

Он видимо меня понял.

— Моя капитана ничего не знай. Какой-то бабушка маленький, совсем молоденький ходи, отворяй дверь, мне кричи капитана пиши...

Под своим стулом я заметил банку с сулемой. Я ее сразу же схватываю,

обливаю ей письмо и то место на столе, на котором оно лежало. Потом тщательно мою руки. Затем я заставил мыть руки и китайца. От сулемы или отчего другого у меня в голове застучало. Мне стало жарко. Я растегнул ворот от гимнастерки и подошел к зеркалу, лицо у меня было смертельно бледное. Я взял пульс, он усиленно бился. Подумал звонить Звонареву — перепугаешь. Нет, решил, что промолчу, будь что будет. Однако через несколько минут не выдержал и позвонил. Заставил Степана Александровича прочитать мне все фамилии, заболевших за последние дни. И когда он дошел до Федорова, я потребовал его рассказать, как и при каких обстоятельствах он заболел. Оказалось, что в том доме, где он жил, действительно умерла старуха, но от чего — они не выяснили, хотя думаю, что не от чумы, а от воспаления легких. Эта история была пять дней тому назад. Федоров сидит столько же и никаких признаков болезни у него не замечено.

Я спокоен. Выпиваю чай. Но снова звонок. Меня зовет в штаб Астафьев. Голос у него изволованный. Накрываю шинель и бегу. Штаб от меня через пять домов.

Астафьев на крыльце встречает и сует мне телеграмму.

«Командиру 3 кавбригады. В виду создавшегося тяжелого положения в поселке Кайластуй и угрозы заболеть всему штабу вашей бригады, приказываю перевести все части из Кайластуя на почтовую станцию Чиндачи. Для наблюдения за чумными очагами в Кайластуде оставить санитарный пикет во главе с одним из врачей. НР 987 Начдив Коротаев Военком Позняков.»

На лбу у меня выступает холодный пот. Я подбегаю к телефону и вызываю в штаб Звонарева. Тот немедленно является, читает, потом переводит на меня глаза:

— Что это?

— Отступление...

— Но?..

— Но я не отхожу. С боевой линии я еще не отступал. Так не брошу и чумного фронта.

— Я вполне согласен с вами.

Мы оба садимся в его американку и катим на телеграф. Там я вызываю начдива и военкомдива.

— У аппарата начдив. В чем дело?

— У аппарата Комбриг З. Товарищ начдив, от исполнения приказа № 987 я отказываюсь.

Телеграфист с удивлением смотрит на меня. Зато Николай Иванович одобительно кивает головой. Но неожиданно рукоятка телеграфного аппарата замирает. Телеграфист сообщает:

— Перебивают...

— Дай.

Телеграфист читает:

— На каком основании вы отказываетесь от исполнения оперативного приказа. Это боевое распоряжение. Потрудитесь исполнить.

— Исполнить не могу. Отказываюсь категорически. Мотивы: с моим уходом, с уходом всех частей и санитарной части, в Кайластуе ни один чумный пост не останется на месте. Если же мы их оставим, то без наблюдения они самовольно или дезертируют или просто заберутся в избы и не будут ничего делать. Зато чумные, получив свободу, пройдут в другие поселки, а там, я не ручаюсь, если через несколько недель чума дойдет до вас и до Читы. Если вы это берете на свою ответственность, то прошу сложить с меня обязанности комбрига.

Перебивают.

— Почему вы так ставите вопрос?

— Положение слишком серьезное и для спасения Забайкалья я должен остаться на своем посту. Впрочем дело ваше...

— Согласен. В чем вы нуждаетесь?

Я обращаюсь к доктору:

— Это по вашей части. А от меня сообщите, пусть вышлют культработников. — Я отхожу от аппарата и сажусь на подоконник. Жилки на моем виске передергиваются. Мускулы ослабевают. Мне не хочется ни о чем думать и сейчас, вот в эту минуту, я согласен с приказом и с удовольствием бы ушел на эту станцию Чиндачи, чтобы больше ничего не слышать о чуме. Даже сию минуту я не улавливаю и той мысли, которую передает Звонарев. Я хочу одного, скорей бы все это кончилось. Вдруг у меня проскальзывает мысль «А что если бежать за границу». Но сразу же с не-

годованием ее отбрасываю и выхожу на улицу. На дворе мороз градусов 25. Он освежает.

Минуты через две выходит и мой бригаврач. Мы садимся в его повозку смерти, так ее прозвали красноармейцы и местные жители, и едем к нему. Дорогой он мне говорит о ханшине, о спирте, о сулеме, о начдиве. А я его не понимаю. Повозка от морозу скрипит. Одно колесо примерзло и когда мы заезжаем на землю, туда, где ветром снесен снег, ободья как-то особенно заывают. Мне это неприятно, только об этом думаю и все время заглядываю вперед, нахожу плечи дороги и стараюсь их обехать.

Николай Иванович испытующе смотрит на меня и говорит:

— Вы больны?..

Я вздрагиваю.

— Нет... Устал...

— Но у вас подозрительный вид.

Тут же он поправляется и добавляет. — Ничего, ничего, чумы не бойтесь. Она нас с вами не заберет. У вас просто нервы.

После обеда я прихожу домой и там мне докладывают, что привели Гиталова. Его поймали где-то около Нерчинского завода. Ого, куда он укатил и говорит: по делам, Комендант спрашивает:

— Куда его посадить?

Минуты две я думаю. Потом говорю:

— Оставьте его в его же квартире.

Но караул к нему исключительно из лучших красноармейцев.

— Хорошо.

Я повторяю еще раз:

— Выберите лучших.

— Слушаюсь — тут я вспоминаю, что хотел ему сделать выговор за самовольное оцепление телеграфа. Но машу рукой и приглашаю китайца обедать. Теперь он мой единственный сосед по комнате, с которым я могу говорить, и он не боится меня.

Вечер.

Китаец из моей комнаты никуда не уходит. Здесь он себя чувствует в полной безопасности. Он мне всегда улыбается, даже начал рассказывать свои похождения в Маньчжурии и на коях Чжай-ла-нор. Он страшно путает слова, он мне говорит, что я обязательно должен узнать то, что случилось с ним в Китае. Я соглашаюсь

Вот его рассказ, который я передаю русской разговорной речью!

— Моя русский страна давно ходил — начал он — сначала я жил в Иркутске. Торговал чем придется: табаком, сигаретами, тесемками, материей разной и семечками. Хорошо можно было жить тогда. Но тут наши русские — не пойму я их — драться начали. Стрелять начали. Бить друг друга начали. Иркутск город большой. Дома большие. Все больше там дома каменные с подвалами. Вот как начали стрелять наши русские, мы и залезли в подвалы. Все тут китайские люди попрятались. Три целых дня сидели. Вверху пушки стреляют, хлопают ружья:

Бум, бам, бах, трах, тах... Ой, страшно было сидеть. Наши друг друга говорят: русские все друг друга перебьют нам торговать не с кем будет. Ой, как нехорошо нам стало бы. Но слышим, пушки устали. И ружья стрелять перестали. Ну, мы тихонько и вылезли. Слышим, народ шумит, ну, значит торговля наша не погибла. Обрадовались. Но тут, глядим, солдаты по улице едут. Все на конях, и все засыпаны снегом, а у них на шапках, на одежде красные тряпки, как вывески у китайских торговых заведений; едут они смеются и руками всем машут. Хорошо это, думаем. И мы скорей за свои лотки. Потому — солдаты у нас всегда первые покупатели. Набрал я папирос в коробочках нашей фабрики «Выдумка» и сижу на углу. Подходит ко мне какой-то солдат с красной ленточкой и говорит: «сколько хочешь?» Я ему — двадцать рублей. Он вынимает какие-то деньги с серпами и молотками и сует мне. Я ему: — такие мы не берем. А он смеется и вытаскивает из кармана полную пачку тех самых денег, которые генерал делал, бросает на землю и топчет, а сам смеется и говорит:

— Нет, ходя, им цены теперь: — правительство другое, наше — рабочих и крестьян и всех бедняков.

Ой, капитана, что со мной тут делалось! Ведь целый год мы все, бедные люди, на эти деньги торговали. Я один целый миллион накопил, думал: приеду домой, большую торговлю открою. А тут... Бросил я свою «Выдумку», там ее было пять коробок,

и бегу к своим. Те тоже узнали. Также заволновались. Товару в городе нет. Достать неоткуда и мы совсем не знаем, что нам делать. Пошли работу искать. Да разве найдешь. В Иркутске китайцев было несколько сотен, — кто им чего даст. Ну, кто-то догадался: пойдем служить в солдаты к русским. Пошли. Там полк кавалерийский стоял, в военном суде помещался, и наши узнали, что он скоро уходит на фронт, а фронт ихний был недалеко от Китая. Нам это на руку. Мы сразу и сообразили, что чуть что мы и перебежим. Ну, вот и записались. Командир у нас хороший был. Русский. Всех по-своему записал. И имена свои дал: Ты, говорит, — Ванька-китаец. Ты — Петька-китаец. Ты — Колька-китаец — так всем вот...

— Ну а, тебя как? — улыбнулся я.

— Моя... Моя он лучше всех называл. Говорит, ты будешь Мишенька-китаец. Ну, у нас служба легкая была. Коней мы чистили, да караулы у ворот и на конюшне несли. А кормили нас три раза в день. А одевали в такие шубы, что на базаре за них большие деньги мы получали. Так вот я служил три месяца. Как только пошел наш полк на фронт и дошли мы до самой Читы, я бросил винтовку, одежду солдатскую из Красной армии, и туда бежать. Лошадь тоже бросил. В одежде бежать нельзя было. У нас вот командир, как к нему попадает белый, он ему сразу — «На голову его сделать короче». Ну, говорит, и вам так будут белые делать. Но хорошо я перебежал этот фронт, никто меня за красного не принял, и там нашел я земляков. В Чите они торговали. И торговля у них хорошая была. Я сразу к ним в компанию вступил, и заработали. Один офицер нам чуть не даром три вагона спичек продал. Потом мы у него купили два вагона чаю. Потом сахару. Он на станции комендантом был. Хороший человек, как ты. Как пришло время, он нам и говорит: Вы, ходи, пока не поздно, бегите в Китай. Мы скоро Читу бросаем и туда же уходим.

Так и случилось. Уехали мы в Маньчжурию, а за нами в Читу красные пришли. В Маньчжурии я тоже торговать стал. Да как туда все офицеры и ихние солдаты собрались, так нам

очень плохо стало. Пройти в своем городе по улице нельзя. Везде грабежи. Так и меня ограбили. Плохо, к капитана, так торгуют, когда тебя в году два раза грабят. Хорошо, что у меня там брат был, тоже торговлей жил... Вдруг среди китайцев слух прошел, что наши болеть стали. Мы сначала не поверили. Однако в нашей квартире, а я недалеко от вокзала жил, что ни день, то один умрет, то другой, а то и третий. Хоронить потом не успевали, а как умрет, так прямо за ноги и на улицу. А там повозки ездили, всех валявшихся собирали и после за городом в печках сжигали. Так вот однажды мой брат шел, шел, да и упал. Из гостей он ходил и выпил чего-то. К нему сразу под'ехала эта повозка, положили его в железный ящик, как у нас, и за город к печке. Мой брат кричал, ругался, ничего ни помогло. Наши все это видели и мне после рассказывали. Доктора говорят, вместе с полицейскими на него кричат: «Если ты чумным раньше не был, то после того, как в чумном ящике полежал, чумной стал. Тебя все равно сжигать надо». Так и бросили его в печку.

— Это живого-то?..

— Нет, не совсем. Его напоили сначала чем-то, потом уже сожгли. Так с тех пор в Маньчжурии без разбору, кто только повалился, того сразу в ящик, а там говори, что ты не чумной, а поскользнулся. Никто не поверит, все равно сожгут. Ну, я сильно испугался и побежал к другому брату, который на конях жил, на Чжай-ла-нор. Мы с ним в Иркутске вместе жили, тоже вместе и он со мной служил у красных. Там, он говорил, после того, как снюхался с красными солдатами, торговать совсем не буду. Буду рабочим человеком. Хороший он человек. Его На-Фу у нас звали. Ума у него сколько!.. Не знаю, как голова у него терпела. Больно умный. Красивый. Ну, бросил Маньчжурию и туда. Двенадцать верст бежал. Прибежал и прямо к нему. Он в бараке жил и говорил мне:

— Чума, брат у нас. Если ты еще не заразился, то беги, а у меня вот, голова уже горячая...

Тут неожиданно прогремел телефон,

и Николай Иванович вызвал меня сжигать трупы.

Ночь была морозная, тихая. Мы попрежнему нагромодили целую гору дров и поверх их уложили двадцать два трупа: четырнадцать своих и восемь китайских. Китайцы, не имея у себя дров и живя без аргалу, нашли хороший выход: чумных перевозили через границу и кидали на наших дорогах. Волей-не волей приходилось их забирать и сжигать вместе со своими. Мы боялись, как бы волки не растаскали их а потом их могли съесть собаки. Однако, как будто, легочная чума на животных не действует.

Костер поджег Николай Иванович. А я и Степан Александрович в белых халатах и в масках изображали чертей в аду. Мы жарили человеческое мясо. Мы подкладывали дрова. Мы переворачивали трупы. И переносили их на наиболее жаркие места. Если бы сейчас кто-нибудь мне предложил заняться подобным делом, я не согласился бы ни за что на свете. Пожалуй, я лучше бы сам лег рядом с трупами на огонь, но не поднял бы на шесте человеческую руку и не стал бы ее бросать в огонь, или ногу или голову. Странно они иногда отгоровали от тела. Но тогда, в тот самый момент мы об этом не думали. Это была наша каждодневная работа. Иногда Николай Иванович даже покрикивал:

— Ну, ну, комбриг, жаркое-то студится. Вот у того правый бок не зажарился. Это что за работа?

Я сквозь маску улыбался и в ответ кричал:

— Николай Иванович, а сам-то что делаешь? Что за безобразие: оторвал две китайские ноги и положил их на загнигу. Ну-ка на угольки!..

Позднее мы посетили Федорова, он все еще сидел один. При нашем при-

Его На-фу у нас звали.

ходе он вскочил, потом опустился на пол и чуть не на коленях стал просить какого-нибудь лекарства. У Степана Александровича оказались доверовские порошки. Их он ему и отдал, кажется штук пять и Федоров все моментально проглотил, потом он заявил нам, что чувствует себя прекрасно, и чума у него прошла. И тут же стал объяснять нам, что любит Нюрку. Что он ни разу ее не целовал. И что она его любит и тоже не целовала. Он опять просил меня перевести его к ней, хотя бы на секунду, только чтобы взглянуть на нее. У него по лицу текли слезы. Его было жалко. Однако свести их в одном изоляторе не было никакой возможности. Когда мы уходили, он разрыдался:

— Командир, какой ты командир, когда Нюрку не даешь мне. Дай мне ее поцеловать. Дай на один раз... дай ее... и она хочет!..

Под горой у Аргуня все еще тлел костер. Догорали головни, человеческих тел уже не было. Они давно обуглились и распались. На горе перед костром стоял новый дом. Это был изолятор. Там сидела Нюрка, заведующий хозяйством штаба Воронов, который все беспокоился о том, что он может умереть, не сдав отчета, и еще один красноармеец. Мы проходили мимо этого изолятора. Красный отблеск потухающего костра играл на его окнах. Окон было пять. У трех из них виднелись прижатые к стеклам лица, с широкими блестящими глазами. Они, не мигая, смотрели на костер. Степан Александрович их заметил первым и шепнул мне:

— Смотри-ка, поди тоже ждут. Надо бы закрыть чем-нибудь у них стекла или перенести костер на другое место...

Я согласился с ним и утвердительно мотнул головой. На другой стороне горы стоял другой изолятор, а за ним были остальные. Когда мы приближались к изоляторам, часовые испуганно косились на нас, подходили ближе к изоляционным дверям и стояли так, как было указано в моей инструкции. Но как только мы отходили от изоляторов, часовые сразу же отбегали на другую сторону улицы.

В изоляторе около моего дома сидело шесть красноармейцев. У них в избе было светло, а из-за стен глухо доносилось:

Мою милку сватали.
Меня под лавку спрятали.

Я под лавочкой лежал,
Милку за ногу держал.

Я это услышал от удивления остановился и осмотрел окна. И почему-то сразу вспомнил Федорова. Потом его письмо и затем в своем теле почувствовал жар и озноб. Я бегом бросился к себе в комнату. Сбросил шинель и унты. Халат я снял еще после изолятора. Его увез в сулемовой банке Николай Иванович.

На столе у меня стоял банчок со спиртом. Я налил полный стакан и сразу выпил. Однако тут же почувствовал, что на моей руке между большим и указательным пальцем как-то особенно колет. Мне почему-то показалось, что на это место мне попала капля соку с чумного трупа. Я даже вспомнил, когда я переворачивал мертвого китайца, то из него брызнула целая струя. Я нервно разыскал сулему и до красноты натер ею подозрительное место, хотя знал, что в подобных случаях сулема не помогает. Кроме того, я прекрасно сознавал, что струя никак не могла попасть на мою руку. Я был в рукавицах и брезентовых сулемовых перчатках. Но боль не проходила, и я себе все тер и тер.

— Капитана, твоя хочет слушать чума копи Чжай-ла-нор?

Я повернул к китайцу голову, поставил на стол бутылку с сулемой и опять, не раздеваясь, повалился на постель. Однако колотье в моей руке не остановилось..

Глава пятая.

1 марта.

Я сижу и пишу. Китаец, как будто диктует мне. Его фразы медленны, слова растянуты. Писать то, что он говорит, нет труда. Утром он пробовал прогуляться по улице, но его особенно откровенно избегали красноармейцы и местные жители. После он обиженно говорил:

— Капитана, зачем моя бояся, моя чумной нет...

Я ему рассказал, что и меня бояся. Удивительно — моя и его судьба одинаковы.

В данный момент лучше живется моему военному. Его никто не боится. Но на меня он рвет и мечет. Пишет мне письма. Называет белогвардейским офицером. Говорит часовым, что я всю бригаду хочу перевести за границу. Будто бы за этим и держу у себя китайца. Но к моему удовлетворению партизаны уже верят мне и только улыбаются. А из дивизии ко мне все еще не едут культработники. Хотя начдив твердит, что они выехали. Но где они?.. Мне кажется, что они придут после того, как кончится чума.

Однако ходя мне рассказывает:

— Хотел я это из барака от брата бежать. Но встал и повалился снова на нары. Голова закружилась, силы пропали, тоже мне жарко стало. А брат посмотрел на меня и нахмурился. Но ничего не сказал. Какой-то молчаливый у нас был. Трудно его понять. И вот так-то пришлось мне прожить на копиях три дня. О, что я там видел, что слышал, ой, страшно! Ой, ой, страшно!.. — Китаец закатил глаза и на лице изобразил такой страх, что я улыбнулся. — Больше никогда не хочу этого видеть, — продолжал он. — И не пойду туда никогда. За эти три дня много я узнал про копи. Этими самыми копиями Чжай-ланор владели сначала китайцы и англичане вместе. Компания у них была. Семь человек китайцев и три англичанина. Но англичане были такие хитрые, что надули всех китайцев. Взяли от них деньги, дали им поработать один год, а потом убрали их. Ну, а после-то и между собой не ужились. Один из них большой, рыжий англичанин — остался. А этот, Большой Человек, как остался один, завел компанию с японцами и скупил на линии железной дороги лесопильные заводы. Потом он захватил рыбалки на озере Мутном, — это как раз недалеко от реки Хайлар.

Жалование рабочим он сократил на половину. А чтобы рабочие не взбунтовались (там все были китайцы), он нанял охрану из русских офицеров и солдат, и эта охрана стояла у его

квартиры и конторы. А потом он совсем перестал платить деньги. Хотели было рабочие уйти от него, но не могли. Кто уйдет, тот знал, что денег ему никогда уже не получить. Все китайцы думали, что он им вот вот заплатит. А тогда они думали, что смогут послать денег домой, своим семьям. Все наши рабочие на копиях были с одного места — с реки Хуаньхэ. Земли у нас там так мало, что если не пойти на заработок, то семья умрет с голоду. На этих копиях наши люди работали несколько лет, и такого случая никогда не было. Вот они думали, что и сейчас заплатят. Но вышло не так. Вышло, что ожидание испортило все. Надо было сразу же бросать работу и уходить. Да куда уйдешь? Один — два человека работу найдут. А там их было семь с половиной тысяч. Ну, вот они все и ждали.

В это время приехала на копи дочь Большого Человека. Она была хорошенькая, вся беленькая и в кудрях. Ей было лет 18. Ходила она, как мужчина, в брюках и в хорошенькой куртке из какого-то полосатого сукна, дорогого видно. И с ней всегда была собака. Большая собака, — такие у нас никогда не бывают. Собака китайцам не понравилась, ну, а ее они полюбили. Со всеми она разговаривала, смеялась. Кудри на голове у ней были золотые. На солнце они блестели, как настоящее золото. За это китайцы ее прозвали Золотая Головка. И вот Золотой Головке на копиях понравился больше всех мой брат.

Видишь, капитана, у Золотой Головки вкус был хороший. Самый лучший китаец на копиях из всего Китая понравился ей. Она его всегда встречала, когда он выходил из своей шахты. А он всегда стеснялся ее. Брат мой был стыдливый, в шахтах он работал почти голый, и ему не нравилось, что она видит его в таком костюме. Но я понимал ее. Мускулы моего брата были, как железо — круглые, упругие. Грудь высокая, и сам он был ловкий, подвижной. Она встречала его и смеялась, а он улыбался ей. Только одна собака рычала. И вот всем китайцам стало шибко плохо, когда им стали уже не верить в копейских лавках, то они все собрались, сговорились и выбрали моего брата

На-Фу, чтобы он пошел к Золотой Головке и сказал, что китайским углекопам невозможно так жить и что если ее отец не будет платить

Золотая головка.

им денег, то они все уйдут. Они знали, что Золотая Головка любит смотреть на На-Фу, и китайцы знали, что Большой Человек слушается Золотой Головки. Потом китайцы просили моего брата передать Золотой Головке, что бараки у них сырые, грязные и холодные. Я там сам был три дня и их видел собственными глазами. Там были только крыши, а высота у бараков была аршина полтора. И под самой крышей были нары. Нары были по обеим сторонам, а посередине проход. Пол в бараках был земляной и сырой, но утопанный ногами тех, кто жил. И в таком бараке людей было так много, что ночью не было чем дышать. Поэтому там не требовалось и печей,—люди сами его отапливали. Своим телом нагревали. Ну, а если надо было согреть чаю, то для этого у дверей были построены ма-

ленькие печурки. Об этом-то и просили китайцы передать Золотой Головке.

И вот раз вечером и пошел к ней мой брат. Он оделся в самое лучшее платье, какое нашли на копях. Все семь с половиной тысяч китайцев одевали его. И все эти семь с половиной тысяч предлагали моему брату все, что у них было лучшего. Они хотели, чтобы их доверенное лицо было одето так же, как и англичане.

Мой брат ушел, и все китайцы, во всех бараках, не спали и ждали его. Дом Большого Человека стоял за копами в долине, и недалеко от этой долины несколько человек дежурило, чтоб сразу объявить, что идет На-Фу.

Но, однако, прошла ночь, потом день, потом снова ночь, и только под утро второго дня явился в барак мой брат. Его никто не узнал. Он был совершенно голый, даже на бедрах не было пояски. Лицо его было бледное, глаза широкие и какие-то дикие. Люди говорили, что и это утро у него не было никаких мускулов, что руки у него болтались, как плети, и ноги еле передвигались. Никто у него ничего не спросил. Все уже знали, что с ним что-то случилось и что их просьба потерпела неудачу. Он прошел прямо к своему месту и улегся на нары. Никто не осмелился подойти к нему. Через сутки он встал, оделся и опять ушел куда-то. Его снова не было два дня. Мне рассказывали, что он и в этот раз ходил к дому Большого Человека. Говорили, что он сидел в комнате Золотой Головки. Но мало ли что можно болтать. Я в это не верил. Даже когда я лежал с ним, и он мне рассказывал, что она любит его и что она его жена,—я громко рассмеялся ему в лицо. Я никак не мог представить, чтобы женой китайца могла быть такая красивая и богатая женщина, как Золотая Головка. Да, капитана, я долго смеялся над моим больным братом. Но он тогда встал передо мной и показал мне свое тело, и я понял, что такой красивый мужчина может быть мужем кого угодно, и не только Золотой Головки. Тогда еще в этот последний день тело его было как будто сделанное из железа. Да, капитана, он действительно мог быть мужем Золотой Головки. Конечно,

наши люди, я думал, об этом и не знают. Я думал, что они предполагают, что Большой Человек избил его там. Но после этого моего брата на работу никто не посылал. Это всех удивляло. На конях десятники были русские, и эти десятники почему-то никогда не трогали моего брата. Это тоже было подозрительно. Теперь я знаю, почему так случилось. Но тогда мы ничего не знали. Брат мой был похож на сумасшедшего, и мы считали, что его из-за этого и не трогают. И вот, как китайцы были ни обижены тем, что с их представителем поступили жестоко, они молчали. Да и говорить было невозможно. Хотя китайцев и было семь с половиной тысяч человек, а русских меньше, но русские имели оружие, а эти ничего не имели. А разве с голыми руками можно было там разговаривать.

С моим братом никто не разговаривал, но зато за ним все следили. Он каждую ночь куда-то исчезал и возвращался или днем или через день. И всегда он исчезал у границы Большого Дома. И рабочие решили, что там его свели с ума, и жалели его. Но вот на конях появилась эта страшная болезнь. Первым заболел старый китаец Ли-Тун. Но над ним сначала все посмеялись, смеялся над ним и фельдшер. Он посмотрел на него и сказал, что он притворяется. На конях китайцы болели часто и с ними всегда поступали так. Поэтому такое отношение никого не удивляло. Однако Ли-Тун умер. А кто лежал с ним рядом, тот заболел. От этих болезней перешла к другим. Люди в этом бараке перепугались и бросились в другие бараки. Но туда они приносили только болезнь, а себе получали смерть, но не избавление. Так вот и пошла по коням гулять болезнь. Первые дни там умирало десять-двадцать человек, а напоследок пошло и сотнями.

Мертвых сначала хоронили. А потом хоронить было некому: кто болел, а кто убежал. И трупы стали бросать прямо в степь. А там ночью их поедали волки и собаки. День и ночь те поделили между собой. Да, капитана, это я видал сам собственными глазами. Страшное там было дело. Днем китайцев разрывали собаки, а ночью

на смену собакам приходили волки. И их было так много, что на них не хватало трупов, и они дежурили у барачков; как только мертвец выбрасывался на улицу, собаки и волки его ловили и рвали на лету.

Вот чума-то для Большого Человека и явилась избавительницей. Он был не дурак. Он сразу понял, что может избавиться от всех своих должников, и он с первого же дня запретил своим санитарам показываться в бараках.

И все это наши люди узнали. Да, капитана, не улыбайся, наши всегда умеют узнавать то, что им надо. Они узнали и об этом, как будто побывали в голове самого Большого Человека.

И вот, как это наши узнали, так они и рассчитались с ним...

2 марта

Вчера меня оторвали на самом интересном месте рассказа моего китайца. Ночью Звонарев узнал, что заболело несколько человек красноармейцев и крестьян. Их сразу же потребовалось перевести в изоляторы.

Большой человек.

А их у нас не было. Заболели как раз родственники первого умершего. Николай Иванович этому был рад. Оказалось, что это был последний скрытый очаг. Теперь все чумные были у нас на учете, и нам не грозила опасность, конечно если мы сумеем сдерживать свои посты. Вот заключение моего врача:

— Это последнее.

Теперь, по-моему, все очаги под охраной. И все они родственники Викулова или Сафронова. По-моему, это те, кто или был на похоронах Петра, или те, кто был в гостях у тех, кто хоронил его. Перед нами остается—строгое наблюдение над теми, кто здоров. Впрочем, все жители так напуганы, что давным давно не ходят друг к другу. Я теперь твердо уверен, что скоро мы победим чуму...

Это меня страшно обрадовало. Но перед нами была задача,—куда же поместить последних красноармейцев. Мы долго думали. Наконец в силу того, что у Федорова незаметно признаков заболеваемости и что их нет также в Нюркином изоляторе, мы решили их свести. Когда об этом узнал Федоров, то он бежал, как козленок. Он пулей влетел в изолятор и остановился посредине комнаты. Прямо перед ним оказался Воронов. Под горой попрежнему горел костер. Там была текущая работа—горели чумные трупы. Яркое пламя костра освещало всю комнату, и при его отблеске, а это было ночью, Воронов был ужасен. Глаза его бегали из стороны в сторону. Волосы светились. Только тут я заметил, что он поседел. Он просидел в этом изоляторе уже девять дней и теперь из парня в 30 лет превратился в старика. Он поднял руку и молча указал Федорову на пустой угол. Затем он проговорил:

— Твое.—Он отчеканивал каждое слово.—Дыши, говори, кашляй. Это—пей, ешь, плюй.—Он подsunул Федорову три пустые консервные банки и перевел руку на них. Потом его рука потянулась к окну:—Это только твоё. Но смотри, не послушаешь, твоё и всех нас место...

Федоров, я и оба врача поняли, что он говорит о костре. От этого ужаса меня передернуло. Тут я понял, какое издевательство было с нашей стороны.

Ведь под самым окном этого изолятора мы изо дня в день жгли костры и на них складывали трупы чумных. Ведь он тоже подозрительный...

Потом Воронов сел в свой угол и задумался. Затем он встал, подошел к Титову и потребовал от него лекарств. Степан Александрович вынул из кармана пару порошков и передал ему. После на улице он мне сказал, что им всем он раздает картофельную муку с капелькой хинина. Помогает.

Федоров же немного постоял и наконец прошел в указанный ему угол. Лицо у него было румяное, глаза довольные.

— Ты с кем здесь спишь?—вдруг обратился он к Нюрке.

Нюрка укоризненно взглянула на него и сразу же опустила глаза.

— Вишь, Нюрка, к тебе я пришел, а ты што, вель к тебе я просился...—Ты уж не этого ли любовница?—указал он на Воронова.

Нюрка закрыла лицо руками и заплакала.

Нас это так возмутило, что мы повернулись и вышли.

Лично для меня эта ночь была одной из лучших. После всех чумных трудов я разделся, пожалуй, что первый раз за всю эпидемию, и крепко заснул. Китаец меня понял и больше не рассказывал мне о своих копиях.

3 марта

Я снова у себя, и против меня сидит мой ходя. Он попрежнему монотонно диктует мне. Я пишу. Вообще же день у меня прошел прекрасно. Ни одного случая заболеваний. Даже нет ни одного смертного исхода. Подозрительных, вернее кандидатов на смерть, всего четверо. Сегодня мы отдыхаем. И сегодня наш костер не будет гореть.

...Это было при мне. Это был мой последний день с братом,—рассказывал китаец.—Он лежал рядом со мной. Я видел, что весь он красный, и хотя он мой брат, но я старался не дотрагиваться до него. Глаза у него блеснули, но мускулы были крепкие, как всегда. В бараке мне говорили, что с начала эпидемии из барака он никуда не выходил. Даже в это время он стал разговорчивым. Китайцы только тогда как будто поняли, что он им изменил.

Вот в этот-то день он мне и рассказал, что Золотая Головка его жена.

И вот в этот же день в наш барак собрались углекопы со всех копей. Они заполнили все углы и даже залезли под нары. Они страшно шумели, и я видел, что большинство из них больные. Вдруг один из них вскочил на нары и закричал:

— Братья, неужели вы не понимаете, что нас все обманывают. Наш хозяин, Большой Человек, нарочно нам не дает докторов. Он хочет сквитать свой долг. Но поймите, он убивает нас. А раз нас не будет, так помрут наши семьи. Кто их будет кормить?.. Пойдемте все к нему и вытащим его на степь. Пусть и его разорвут волки с собаками.

О, капитана, это было то же, что и у русских в Иркутске. Там сначала тоже так же собирались и говорили. И после тоже пошли на своих хозяев.

И вот все больные первыми закричали, что они пойдут к нему и достанут его. Они со дня на день ждали себе смерти и им нечего было терять.

— Пойдем к Большому Человеку. Вытащим его!

— Пойдем!

— Пойдем!

И знаешь, они уже совсем вышли на улицу и думали двигаться дальше к дому Большого Человека. Но среди них нашелся один умный человек. Он их всех вернул в барак и сказал:

— Братья! Всем ходить нельзя. У Большого Человека слишком много солдат и еще больше пуль. Они всех вас перебьют. А ему это только и надо. Пусть от вас пойдет один. Выберите одного.

И вдруг этот умный человек, а он был уже старик, упал. Судороги перевернули его тело, и он с пеной у рта умер.

Но на него никто не обратил внимания. Кому был нужен мертвый. Его даже не выбросили на улицу. А просто затолкнули под нары. Зато его совет приняли.

— Пусть пойдет На-Фу. Он пройдет без пропуска, там все его знают,—крикнул кто-то из толпы.

— Пусть он крепче поцелует свою Золотую Головку, свою белую жену. А она поцелует Большого Человека,

и мы будем отомщены. А это На-Фу должен сделать ради нас всех.

Кто узнал о том, что Золотая Головка его жена,—не знаю. Вот сколько дней я об этом здесь думал, не могу припомнить. Но от китайцев никогда ничего нельзя скрыть. Они всегда все узнают.

Мой брат поднялся и хотел было бежать. Но его поймали и взяли с него клятву над душами всех наших родственников. А эту клятву китаец никогда не нарушит. И он пошел...

— Ну ?..—не удержался я.

— Что ну?.. Он, капитана, исполнил свою клятву. Исполнил и потм умер. Когда он подошел к дому, то его беспрепятственно пропустили прямо в комнаты. И На-Фу подошел прямо к Золотой Головке. Она была со своим отцом и собакой. На-Фу подошел прямо к ней и... Да, капитана, он не поцеловал ее. Он ей и Большому Человеку плюнул прямо в лицо. Это он сделал потому, что он был рабочий человек, а те—его хозяева. Я это знаю прекрасно. Он так думал. Но дальше он хотел бежать, а Золотая Головка натравила на него свою собаку и та перекусила моему брату горло. Все это видел бой. Он с испугу прибежал к нам и рассказал...

Китаец опустил низко голову и замолчал. Я отложил перо в сторону и повернул лицо к окну. Там, за избами, я увидел красную зарницу, предвестницу хорошего дня.

Глава шестая.

То, что на дворе март и начало весны, остро чувствуется. Солнце светит ярче. Даже в полдень есть редкие капли.

Заболеваний у нас больше нет. За эти дни мы сожгли последние четыре трупа. Это были красноармейцы, переведенные в изолятор Федорова. Все мы ходим довольные, чувствуем, что чуму победили. Мой штаб уже несколько дней регулярно работает. Мне кажется, из всех нас не доволен один доктор Этмар. У него больше нет материала для исследований.

Даже Гиталов совершенно перестал бояться чумы и объясняет мне, что за участок бригады ему надо было ехать по какому-то срочному делу. Мой

Федор тоже появился у меня в комнате и перестал коситься на китайца. Теперь он целыми днями о чем-то с ним говорит. Мне кажется, что они уже приятели.

В этот мартовский день я не отхожу от окна. Вот по улице чинно проходят верблюды с монголами между горбами. Это тоже доказательство того, что чума у нас изжита. Во время эпидемии никто из туземцев к нам не заглядывал. А вот сейчас они приехали в гости.

Я с удовольствием смотрю на важных верблюдов и выхожу на улицу. Там усаживаюсь на крыльцо, и как старик, греюсь на солнышке.

Вдруг около меня оказывается Воронов. Он схватывает мои руки и целует меня:

— Товарищ командир, я... я... здоров! Теперь и отчетность принесу вам!..

Он захлебывается от радости. С его головы сваливается шапка и солнце играет на его седых волосах.

Я качаю головой. У меня тоже на глазах слезы.

— Ну, ну, не волнуйся! Я знал, что ты будешь здоров!..

— Да... да и я это знал... Но, товарищ командир... Костры у вас... уж больно неприятно... это ночью... и... к тебе огонь... а там человек!..

Он одевает шапку и бежит от меня.

— К своим, товарищ командир!.. Проведать надо!— кричит он радостно и исчезает на краю поселка.

Я поднимаюсь и чувствую себя так же радостно, как и Воронов. Теперь мне кажется, что и солнце светит ярче. Я иду к своим друзьям врачам. Сегодня меня никто уже не боится. Вот и тот изолятор, где я слышал частушку:

Сейчас я ее вспоминаю:

«Мою милку сватали,
Меня под лавку спрятали».

Какие глупые слова. Я улыбаюсь и мне почему-то хочется ее спеть, вот здесь на улице. Но я сразу же вспоминаю, что через день после этой песни красноармейцы умерли и мы их сожгли. Но это только маленькое облачко на прекрасном светлом небе.

Врачи меня радостно приветствуют. Хвалят. Но за что? Они мне говорят,

что если бы не моя сила воли, то нам бы не справиться с чумой! Я отрицательно качаю головой и молчу. Однако в голове припоминаю те моменты, когда я плакал, когда ставил по нескольку раз себе термометр и когда натирал сулемой руки.

Да, они не знают, что все это мне стоит, а мое самочувствие?! Чумные у нас болели несколько дней, а я болел все дни. Все 18 дней!

— Через день мы выпускаем Нюрку. Она последняя. В ней что-то сомневается Этмар, и мы ее сейчас держим в совершенно другом изоляторе!— сообщает Николай Иванович.

— А как же Федоров?

— Разошлись!..— смеется он.

— Как так?— не понимаю я!..

— Ну, и любовь у них была. Он из своего угла целыми днями ревновал ее ко всем. Особенно к Воронову. Однако сам к ней не подходил. А она других не подпускала. Видать, все же любила его. Потому что больше молчала. Потом она его стала звать к себе. Уговаривала, говорят,— плакала. А он перепугался. Ты,— говорит,— неделю среди дюжины мертвецов жила и прочумилась и эта чума от тебя никогда не отойдет. И я,— говорит,— совсем не хочу умирать, а ты умрешь не сегодня-завтра. Так вот они на этом и кончили. Но Нюрка, мне нравится, ничего ему на это не сказала. А видели бы вы его, когда мы его выпустили. Сколько радости у него было, куда больше чем у Воронова. Но на Нюрку он даже и взглянуть не хотел. Вот она любовь-то?..

— Да!

— Это верно! уверенно согласился с ним и Степан Александрович.

Наконец мы освободили Нюрку. Она у нас была последней из подозрительных в чуме. Сначала мы ее одели в новое полумужское платье, и потом уже вывели из изолятора. Мне показалось, что этому она не особенно радовалась. Потому что и в этот раз она нас встретила без видимой радости. Лицо у ней было спокойное. Глаза смотрели прямо и были ясны.

Но через час она пришла ко мне вся в слезах. Как раз у меня сидели Звонарев и Этмар.

— Что это с тобой?— первым увидел ее Николай Иванович.

— Никто не пушат...

— Как так?

— Да, товарищ дохтур, мать гонит, отец тоже. Братья и глядеть не хотят, все в один голос говорят мне, что прочумела я.

Мы переглянулись.

— Но что нам с ней делать?— вопрос Николая Ивановича был ко мне.

Я молчал. Но тут ко мне подошел мой новый приятель китаец и полушепотом проговорил:

— Капитана, давай ее мне в хозяйки. Моя теперь торговать против вас будет. Бакалейка делать станет. Хороший бакалейка. Там все помирал, я один купеза буду. Хочет она женой

моей встанет. Моя денег много. Хочет хозяйкой?..

Я посмотрел на Нюрку. Она все это слышала и, покраснев, опустила глаза. Потом покорно проговорил:

— Мне теперь все равно. Петюньку не люблю...

— Карашо, ошень карашо, — весело проговорил Этмар. — Ее кровь — палочка чахотки поглотила палочку чумы. Она теперь совсем здоровый стал. Карашо, ошень карашо. Этой первый случай мой практик.

— Наверное и у меня, так же и у него — это уже три случая, — указал я улыбаясь рукой на китайца.

— О, это совсем кифрашо. О!..

Тут меня внезапно вызвали по телефону из штаба. Астафьев сообщил, что приехали культработники.

— Что ж, как раз кстати... подумал я и пошел в штаб.

Февраль 1927 г.

Москва

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„МОСКОВСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ“

Москва, Б. Полянка, 12. Тел. 85-51.

Валерий Пушков. БЕЗ КОМПАСА.
Рассказы. Стр. 194. Ц. 1 р. 25 коп.

Из пяти рассказов три связаны с гражданской войной на Дальнем Востоке. Таковы: „Намиго“, лирический рассказ из жизни русских эмигрантов в Японии, очерки „Без компаса“, рисующие положение русских партизан, бежавших от Колчака в Китай и попавших в лапы европейской полиции, трагический рассказ о жене предпринимателя, оказавшейся белой шпионкой. Интересный эпизод из германской войны „Лист на ветру“ и „Вор“, рисующий драму безработицы, вносят разнообразие в тематику книги.

М. Сивачев. БУНТ. Рассказы. Стр. 197. Ц. 1 р. 25 коп.

Рабочие металлургического завода, прижатые тяжелыми условиями труда и возмущительным отношением администрации, поднимают в стенах завода бунт. Однако он не носит характера организованного политического выступления... и использованный хулиганскими элементами рабочего поселка, выливается в бессмысленный грабеж завода... Сивачев справедливо называя такой бунт слепой стихией, противопоставляет ей организующее начало в лице рабочего Виктора... фигура этого революционера, равно как монархически настроенного инженера Белоножкина и старого рабочего Вереска выписаны с большой тщательностью. Рассказы: „Смычка“, „Иона Кирилыч“, „Союзник“ — охватывают послеоктябрьскую деревню. Они написаны с подкупающей искренней теплотой. „На лит. посту“, № 4—27.

Николай Ловцов. ЗА ЯБЛОНОВЫМ ХРЕБТОМ. Стр. 160. Ц. 1 р. 10 к.

Почти все рассказы изображают охоту. Быт охотников, примитивизм их интересов, сосредоточенных вокруг охоты, близость к природе напоминает жизнь зверей, за которыми они охотятся. Они сами почти не чувствуют своего отличия от зверей. Эта черта дает возможность автору оригинально строить свой сюжет...

Все охотничьи рассказы привлекают приятной свежестью материала и Джек-Лондонской простотой его обработки.

Красная Газета 1927 г.

КАК БЫЛ КОЛЧАК ЗАДЕРЖАН

ВОСПОМИНАНИЯ *Н. Новокшинова.*

Часов в шесть вечера 12 января 1920 года в штаб 5 Зиминского Кавалерийского имени Гершевича партизанского отряда, находившийся в то время в 8 верстах от станции Зима на Филипповском участке, приехали члены Зиминского Уездного Политического Центра товарищи Уразметов¹⁾, Трифонов²⁾ и Добрый-День³⁾.

Торопливо поздоровавшись с находившимися в штабе партизанами, они сразу же предложили мне удалиться всех из комнаты, т. к. у них будет секретный разговор.

На мой вопрос о том, можно ли остаться военному отряду т. Рубанович⁴⁾ и чеху коммунисту т. Кратохвил⁵⁾, один из приехавших, кажется т. Уразметов, сказал, что, пожалуй, и можно, но все-таки лучше, если вообще не будет никого.

Несмотря на то, что этим ответом Уразметов дал ясно понять, что Кратохвил и Рубанович должны уйти, они все-таки остались и, после того, как остальные ушли, Добрый-День, закрыв на крючок дверь, спросил меня о том, каким количеством свободных людей я располагаю в данную минуту.

— Не больше, как полторасотнями человек, — ответил я, — а зачем это?

— Маловато, — проговорил Добрый-День, — а где же остальные?

— В разгоне. Часть под Балаганском, часть под Тулоном и еще кое-где. А зачем тебе понадобилось? — спросил я.

— Затем, чтобы арестовать Колчака, — как-то сразу выпалил Добрый-День и обвел нас всех взглядом.

Ни я, ни Кратохвил с Рубановичем минуты две не могли сообразить, говорит ли Добрый-День правду или смеется.

Первым заговорил Рубанович:

— Ты в шутку это или серьезно? — спросил он.

— Какая там к черту шутка! — ответил Добрый-День. — Не до шуток теперь. Мы, — он кивнул в сторону Трифонова и Уразметова, — сегодня получили сведения от чешской подпольной ячейки о том, что не позже, как к утру завтрашнего дня в Зиму прибудет Колчак в чешском эшелоне.

— А откуда ячейка об этом знает? — задал вопрос я.

— Значит знает, когда говорит. Они даже про поезд сказали. Какой номер-то? — повернулся он к Уразметову.

— Пятьдесят восьмой — бис, офицерский вагон, — ответил тот.

После этого все замолчали.

Сообщение было большой неожиданностью. Хотя каждый из нас и знал, что дни колчаковской власти уже сочтены, что образовавшиеся по линии железной дороги от Нижнеудинска до Иркутска Политические

¹⁾ В настоящее время член Зиминского уездполкома.

²⁾ Убит бандитами под Балаганском в 1920 г.

³⁾ в Москве.

⁴⁾ в Сибири.

⁵⁾ в Москве.

Центры с каждым днем все больше распространяют свою власть и что руководство ими находится в руках надежнейших товарищей-коммунистов, тем не менее у всех нас до этого была твердая уверенность, что Колчак использует все средства для того, чтобы пробраться на Дальний Восток.

У меня почему-то сложилось убеждение, что Колчак будет отступать на Восток вместе с корпусом генерала Каппеля, слухи о котором время от времени доходили до отряда, и теперь, вдруг, Колчак едет в чешском эшелоне, как простой чешский офицер.

Почему-то не верилось, что так может быть, и я еще раз переспросил Уразметова, правда ли все то, что он говорит.

— Если бы неправда, то мы бы не приехали, — ответил Уразметов.

— Ну, так как же быть? — задал вопрос Добрый-День.

— По совести сказать — не знаю, — ответил я.

— Но, ведь, делать-то что-нибудь надо, нельзя же пропустить такой случай, — вскинулся вдруг Добрый-День и стал нервно бегать взад и вперед по комнате. — Если мы его пропустим, даже не сообщив никому, то он может совсем удрать, а это, ведь, преступление.

— Это верно, — подтвердил Рубанович. — Надо что-нибудь предпринять.

Однако, сколько мы не думали, выхода из создавшегося положения не было. Арестовать Колчака не представлялось возможным.

Для этого не было ни сил, ни средств. Имевшиеся в моем распоряжении полтора человека были слишком слабо вооружены, у части из них не было даже винтовок, а лишь берданки и охотничьи ружья.

Пулеметов же в отряде всего-на-все-го был один и тот был с той частью отряда, которая ушла под Нукут.

А на станции Зима, по сведениям, имевшимся в штабе отряда, стоял 4 Кавалерийский полк имени Яна Гуса, три дивизиона кавалерии, один полк пехоты и два бронированных поезда, не считая роты белых, несших охрану пакгаузов и станционных зданий.

Соотношение сил было неравно. И когда мы, пробившись битый час над всевозможными предположениями и не приняв ни одного из них, увидели, что нам сделать что-либо не удастся, у всех как-то ненольно опустились руки.

— Тогда хоть едем с нами в Зиму, — обратился ко мне Трифонов. — Может быть, что-нибудь придумаем.

— Ладно, — согласился я и, позвав адъютанта Соседко¹⁾ и эскадронного командира Угроватова²⁾, приказал им готовиться в дорогу.

В Зиму мы приехали на рассвете 13 января, при чем, чтобы не быть замеченными чешской охраной на переезде, повернули от села Ухтун на деревню Чиркино и проселочной дорогой, через кладбище, выехали к станционным зданиям.

Остановились на квартире Трифонова, куда вскоре прибыли все большевики — члены Политического Центра.

Вновь началось совещание и вновь ничего не было придумано, а время, между тем, шло. Со станции прислали записку от чеха-большевика о том, что поезд № 58-бис вышел со станции Куйтун. Нужно было действовать, что-нибудь предпринимать и, вот, в тот момент, когда казалось, что мы бессильны, мне пришла в голову мысль отправиться к начальнику чешского гарнизона, полковнику Ваня, и требовать от него выдачи Колчака.

— Так он тебе и выдаст, — засмеялся Добрый-День. — Он нас за сумасшедших сочтет, а, пожалуй, еще и арестует.

— Попытка не пытка, — ответил я. — А что касается ареста, так это мы увидим.

Мое предложение, несмотря на всю его абсурдность, встретило единогласное одобрение. Один только Добрый-День говорил, что из этого ничего не выйдет.

В три часа дня я, Трифонов, Добрый-День, Угроватов, Уразметов, Соседко и еще один, неизвестный мне,

¹⁾ Умер от тифа 18 января 1920 г. в Иркутске.

²⁾ На Кубани.

Мое предложение, несмотря на всю его абсурдность, встретило единогласное одобрение.

человек вышли из квартиры Трифонова и направились к вагону, стоявшему в тупике около вокзала.

Наше появление на вокзале, вследствие того, что я и мой адъютант Соседко были одеты в длинные бурятские шубы с нашитыми на груди широкими красными лентами, на которых было написано «Вся власть советам» и потому, что на наших шапках были нашиты красные треугольники, не говоря уже об оружии, которым мы были увешаны, что называется с головы до ног, вызвало переполох.

Люди с недоумением останавливались. Со всех сторон слышался шепот.

Подойдя к вагону, на дверях которого была прибита дощечка с надписью:

«Начальник Гарнизона
и Комендант станции Зима
Полковник ВАНЯ»,

я постучал.

На стук из вагона вышел чех и, осмотрев нас с головы до ног, спросил:

— Что угодно?

— Мы к полковнику. По делу. От Политического Центра. Доложите.— Сказал Трифонов.

— Сейчас,— кивнул головой чех и скрылся в вагоне.

Ждать пришлось недолго. Не прошло и трех минут, как тот же чех вышел на площадку и жестом пригласил нас внутрь вагона.

В вагоне было полутемно. Горевшая на письменном столе лампа под зеленым абажуром бросала слабый свет на окружающие предметы и, поэтому, когда мы вошли, я не мог различить ничего и, только минуту спустя, увидел стоявшего в углу около стола человека, внимательно рассматривавшего входящих.

— А где полковник?— обернулся Уразметов к сопровождавшему нас чеху.

— Я здесь,— проговорил стоявший в углу человек, входя в полосу света.— Чем могу быть вам полезным?

— Мы от Политического Центра,— обратился к нему Уразметов.— А это,— указал он на меня,— командующий Зиминским Фронтом Красных Войск Новокшенов.

— Слышал,— ответил чех, протягивая через стол руку.— Очень приятно. Что угодно.

— Дело, видите ли, в следующем,— начал я.— Мой штаб получил сведения о том, что сегодня с поездом № 58-бис в офицерском вагоне едет Колчак. Я пришел к вам...

— А откуда у вас эти сведения?— перебил меня полковник.

— Это военная тайна, ответил я.— Достаточно того, что мы знаем об этом и требуем от вас его выдачи.

— Этого я не могу,— проговорил полковник.

— Почему?

— Потому что Колчака еще нет здесь и вам сказали неправду.

— Нет, правду,— вмешался в разговор Добрый-День.— У вас об этом есть телеграмма и, кроме того, вам сообщили об этом по диспетчеру.

— Ах, так,— криво усмехнулся полковник.— Что же...— и, помолчав с полминуты, вдруг резко сказал:— Выдать Колчака я не могу!

— Но почему?— опять задал я вопрос.

— Потому что он находится в распоряжении Высшего Союзного Командования.

— Тогда мы возьмем его силой,— посмотрев на полковника, проговорил я и, совершенно не отдавая себе отчета в том, что делаю, повернулся к двери, где стоял Соседко:

— Товарищ Соседко! Отдайте приказ, чтобы все наши части продвинулись к линии и пусть ждут моих распоряжений.

— Слушаю, товарищ командир,— не моргнув глазом ответил Соседко и вышел из вагона.

Добрый-День и Уразметов переглянулись между собой, но ничего не сказали.

— Как угодно,— ответил полковник по уходе Соседко и, подойдя к стоявшему на столе фоническому телефону, вызвал кого-то и стал говорить по-чешски.

— Уж не арестовать ли нас хочет,— подумал я и, посмотрев на своих спутников, убедился по их тревожным взглядам, что они думают о том же.

Полковник, окончив телефонный разговор, повернулся к нам и спросил:

— Для чего вам Колчак?

— Как для чего? — удивился я. — Отправить его в Москву, а пока...

— Отдать не могу, — опять перебил меня полковник. — Он следует в распоряжение Союзного Командования. А, если вы хотите драться, я готов.

И, положив руки на стол, он пристально посмотрел на меня.

В это время по первому пути, пытая и отдуваясь, прошел поезд.

— Это пятьдесят восьмой? — не отрывая глаз от пристального взгляда полковника, спросил я, кивая в сторону проходившего мимо окон поезда.

— Да, — кивком головы подтвердил полковник.

— Тогда я требую, — обратился я снова к нему, — чтобы вы разрешили мне занять на несколько минут прохода для переговоров с Союзным Командованием.

— Сейчас, — ответил полковник и, поговорив с кем-то по телефону почтенски, кивнул головой.

— Хорошо.

А затем, написав несколько слов на клочке бумаги и передавая его мне, сказал:

— Идите, говорите.

Я взял записку и, не попрощавшись, вышел вместе с моими спутниками.

Когда, по приходе на станцию, я предъявил ее дежурившему по станции чеху, меня сразу же провели на телеграф.

Задержавшись у двери, я подождал к себе Уразметова и попросил его передать Угроватову, чтобы тот не спускал глаз с вагона, в котором, по моему мнению, должен был быть Колчак.

В помещении телеграфа было пусто. Дежурный телеграфист при нашем появлении встал и удивленно посмотрел на меня.

— Вот, — указал рукой на меня чех, — он должен говорить на телеграф. Полковник разрешает.

Телеграфист, ни слова не говоря, подошел к аппарату.

Я, достав из полевой сумки карандаш и бумагу, быстро написал следующую телеграмму¹⁾:

¹⁾ Телеграфные ленты остались невырванными.

«Всем, всем, всем. Всем начальникам партизанских отрядов и рабочих дружин по линии Зима — Иркутск.

Сегодня 13 января в Зиму с поездом номер 58-бис в чешском офицерском вагоне прибыл Колчак тчк Принимаю меры его задержанию и аресту тчк Случае неудачи примите все меры к задержке тчк Подтягивайте силы к линии тчк

Командующий Зиминским фронтом красных войск Новокшенов» и, передавая ее телеграфисту, сказал:

— Сообщите по всей линии.

Стоящий недалеко от меня чех, подойдя к телеграфисту, взял у него переданный мною клочек бумаги, внимательно посмотрел его и стал звать по телефону.

— Наверное к полковнику, — подумал я, наблюдая за чехом, который на чешском языке передал содержание телеграммы.

Разговор по телефону продолжался минуту, две. Затем чех, передавая телеграфисту обратно текст телеграммы, сказал:

— Можно.

В это время в комнату вошел Угроватов и, отозвав меня в сторону, шепотом сообщил, что вокруг вагона, за которым я поручил ему следить, чехи выставляют усиленную охрану.

— Не спускай с этого вагона глаз и передай об этом же Соседко, — повторил я вновь свое распоряжение. — И в случае, если из него будет кто выходить, немедленно докладывай.

Угроватов ушел, а я, подойдя к телеграфисту, стал дожидаться окончания передачи телеграммы. И, когда тот кончил и, обернувшись, вопросительно посмотрел на меня, я сказал:

— Вызовите к аппарату со станции Иркутск Комиссара Франции генерала Жанен.

— Хорошо, — кивнул головой телеграфист.

Я хотел было присесть на стоявший рядом стул, как вдруг вспомнил о том, что совершенно позабыл договориться с полковником Ваня о задержке Колчака, впредь до окончания переговоров с Иркутском.

— Как же я позабыл об этом, — мысленно укорял я себя и, подойдя к чеху, попросил его вызвать к телефону полковника Ваня.

Разговор с полковником продолжался минут пять. Он заявил мне о том, что и так нарушает данные ему приказания относительно Колчака и никак не может согласиться на задержку поезда, так как эта задержка может продолжаться очень долго.

же отдал соответствующее распоряжение.

Потянулись минуты ожидания, во время которых я старался уяснить себе, почему чешское командование станции Зима, знавшее, хотя и в преувеличенном виде, о силах отряда,

— Для чего вам Колчак?

Я, наоборот, доказывал ему, что этот вопрос необходимо разрешить мирным путем, во избежание ненужного кровопролития.

В конце концов мы сговорились на том, что до окончания моих переговоров с генералом Жанен и Командующим Войсками Политического Центра в Иркутске поезд с Колчаком отправлен не будет, и что все мои разговоры как с генералом Жанен, так и с Политическим Центром, будут передаваться по телефону дежурным по станции чехом, которому он тут

согласилось как на переговоры со мной, так и на задержку Колчака, в то время как мы по отношению друг к другу являлись заклятыми врагами.

— Они могли сегодня арестовать меня, расстрелять, и никто не смог бы оказать сопротивления, — думал я, не находя абсолютно никакого объяснения поведению чехов.

Только позднее, почти через два месяца, я понял, что иначе поступить они не могли. Такое поведение было вызвано тем, что Красная армия, взявшая в это время Омск и стреми-

На маленьком предоконном столике горела свеча, бросая слабый свет на сидевшего около столика человека, читавшего газету.

тельно продвигавшаяся к Иркутску, грозила, в случае какой бы то ни было задержки в эвакуации чехов на восток, смять их арьергардные части. Поэтому чешское командование, прекрасно учитывавшее это обстоятельство и знавшее, что в случае возникновения борьбы с партизанами, с которыми у них, почти по всей линии, были заключены договоры о нейтральной зоне, оно станет перед фактами спуска поездов под откосы, взрыва мостов, поджога станций, шло на компромиссы вроде того, как это было с Колчаком.

Мои думы были прерваны телеграфистом.

— У аппарата генерал Жанен, — обернулся он ко мне и чеху, сидевшему рядом со мной.

Я со стулом подвинулся к аппарату, а чех подошел к телефону.

— Передайте, — наклонился я к телеграфисту, — о том, что с генералом Жанен говорит Командующий Зиминским фронтом красных войск Ново-кшонов, и что я требую выдачи прибывшего на станцию Зима в чешском эшелоне Колчака для отправки его в Москву.

Телеграфист стал передавать сказанное мной, но не прошло и полминуты, как он обратился ко мне:

— Перебивают, — сказал он, а затем, пропустив ленту, прочитал по ней: «С красными вообще не разговариваю. Жанен».

— Вот так история, — подумал я, но делать было нечего. Приходилось считаться с фактом.

— Вызывайте Командующего Войсками Политического Центра, — дал я распоряжение телеграфисту.

— От нас нельзя, — ответил телеграфист. — Придется со станции Иркутск посылать посыльного.

— Что ж, пусть посылают.

Было около часу ночи, когда телеграфист сообщил, что у аппарата Командующий Войсками Политического Центра штабс-капитан Калашников.

— Сейчас, — ответил я и, набросав на телеграфном бланке:

«Говорит начальник 5-го Зиминского кавалерийского имени Гершевича партизанского отряда Новокшонов».

Сегодня в Зиму в чешском эшелоне прибыл Колчак. Генерал Жанен на требование выдать его мне отказался

разговаривать. Прошу переговорить с Союзным Командованием о выдаче его моему отряду», отдал телеграфисту, который, передав содержание, тотчас же стал принимать ответ.

— Приказываю, — передавал Калашников, — пропустить Колчака до Иркутска. Меры к задержанию его в Иркутске приняты.

Не доверяя Политическому Центру, в который тогда входили эс-эры Мерхалевы, я ответил:

— Политическому Центру не доверяю. Требую выдачи в Зиме. Буду эвакуировать в Балаганск в распоряжение Зверева.

— Зверев в Иркутске. Вопрос с ним согласован, — ответил Калашников.

— Пусть он шифром передаст об этом сам, — потребовал я.

— Обождите, посылаю за ним, — сообщил Калашников, прекращая разговор.

Дежурный по станции чех весь мой разговор передавал по телефону полковнику Вани.

Я, приготовив шифр, стал дожидаться Зверева и, когда в 1 час 45 минут он прибыл на станцию Иркутск и передал мне шифром о том, что у аппарата Зверев, я сразу же повторил то, что говорил и Калашникову.

— У тебя не хватит сил борьбы чехами, — шифром передавал Зверев. — Иркутске примем все меры. Пропусти.

— Хорошо, — ответил я. — Согласуйте вопрос о посадке моих партизан в вагон к Колчаку.

И, когда через пятнадцать минут мне было передано, что я могу послать с Колчаком не более одного человека, я, передавая полковнику Вани о том, что согласно переговоров с Иркутском, пропускаю Колчака, потребовал показать его мне.

Ваня ответил, что он разрешает это, но при условии, если я сниму оружие и пойду в сопровождении двух чешских офицеров.

Перспектива посмотреть своего врага, из-за которого пришлось так много пережить, прельщала меня, и, в то же время, я опасался провокации.

Посоветовавшись с подошедшим Соседко, я решил все-таки пойти, одновременно договорившись о том, что Соседко поедет с Колчаком до Иркутска.

Передав по телефону полковнику Ваня о том, что я согласен идти к Колчаку без оружия и попросив его выслать чешских офицеров для сопровождения, я снял с себя все оружие и передал Соседко, наказав, что в случае, если я не вернусь через пятнадцать минут, он передал бы об этом немедленно Уразметову и Доброму-Дню, которые находились в квартире Трифонова.

Подойдя в сопровождении двух чешских офицеров к двери купэ, в котором был Колчак, я постучал.

— Да, да, — послышался из-за двери голос.

Не знаю почему, но в этот момент по всему моему телу пробежала дрожь. Рука невольно потянулась к тому месту, где висел обычно маузер, но не нашла его. В голове скакали какие-то обрывки мыслей, совершенно не связанных между собой. Почему-то вспомнилась тюрьма, где принятие Колчаком звания Верховного Правителя ознаменовалось целым рядом смертных приговоров.

Отворив дверь, я вошел в купэ, в котором был полумрак.

На маленьком предоконном столике горела свеча, бросая слабый свет на сидевшего около столика человека, читавшего газету.

Это был Колчак.

Одет он был в черный френч с адмиральскими погонами, без пояса.

Чисто выбритое лицо, как мне показалось, имело утомленный вид.

При моем входе он, опустив газету на колени, пристально посмотрел на меня, затем встал, намереваясь что-то сказать, но, увидев стоявших в дверях чешских офицеров, сел на прежнее место и вновь углубился в чтение газеты.

Мне хотелось заговорить с Колчаком и я сделал было шаг вперед, но в это время один из чешских офицеров дотронулся до моего плеча.

— Пойдемте, — сказал он.

Выйдя из вагона, я подождал Угроватова и, отдав ему распоряжение готовить лошадей, попросил позвать Соседко.

— Он здесь, — ответил Угроватов, указывая на стоявшего недалеко Соседко.

— Тем лучше.

И, представив его чешскому офицеру, которому уже было известно, что Соседко должен ехать в вагоне с Колчаком, я попрощался с ним и, одев на себя оружие, пошел вместе с Угроватовым на квартиру к Трифонову.

Рассказав обо всем происшедшем собравшимся у Трифонова товарищам, я через полчаса выехал с Угроватовым из Зимы на Филипповский участок.

Не доезжая до опушки леса около села Ухтуя, мы, услышав паровозный свисток, остановились.

Посмотрев на освещенные окна одного из вагонов уходящего поезда, Угроватов чуть слышно сказал:

— Расстрелять бы его, так спокойнее было бы...

Иван Майоров. ДВА БЕРЕГА. Повесть. Стр. 190.

Ц. 1 руб. 25 коп.

Повесть относится к эпохе 1905 г., и в ней изображена борьба двух миров — левого, рабочего берега с правым, буржуазным. Длительная подпольная вражда приводит рабочих к открытому восстанию, которое заканчивается победой противоположного берега.

Московское Т-во Писателей, Москва, Большая Полянка, 12, тел. 85-51.

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„МОСКОВСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ“

Москва, Б. Полянка, 12. Тел. 85-51.

Илья Лукашин. ПЫЛЬНЫЕ. Повесть.
Стр. 168. Ц. 1 р. 20 к.

Центральной вещью книги является автобиографическая повесть „Пыльные“, в которой автор правдиво и просто рассказывает о своем детстве в бедной крестьянской семье, о среде будочников с горьковскими типами, о своих мытарствах по свету в поисках хлеба и социальной правды. Книга свидетельствует о том, что у Лукашина имеется богатый материал наблюдений с установкой на современность, не плохая техника, склонная к форме сказа... „Вечерняя Москва“ 22.III—27 г.

А. Костерин. МОРСКОЕ СЕРДЦЕ. Рассказы. Стр. 199.
Ц. 1 р. 25 к.

Все рассказы этого сборника—о водной стихии. Героические события революционных лет развертывающиеся в морских просторах, героические приключения „морских волков“ и их повседневная опасная жизнь на море—таково содержание этой книги. По основным настроениям и по манере письма автор—романтик. У Костерина героичен любой случай, где есть борьба с классовым врагом. С интересом прочтутся и рассказы о борьбе с морем. „Красная Газета“ 22.III—27 г.

Ив. Касаткин. ЛЕСНАЯ БЫЛЬ.
Рассказы. Стр. 253. Ц. 2 р.

Деревня, ее быт, таинственная жизнь леса,— вот обстановка, в которой автор чувствует себя вполне свободно. Лучшим рассказом по правдивости акварельной тонкости рисунка являются „Лоси“. Язык у автора, крепкий, образный, как будто настроенный на лесных тропах. Большинство рассказов и наиболее мастерски сделанные посвящены деревне. Темы разнообразны... несколько рассказов посвящено бабьей доле. Написана книга с большим художественным чутьем. „Правда“ 15.IV—27 г.

Московское Товарищество Писателей

Цена 75 коп.

СКЛАД ИЗДАНИЙ
Издательство „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“
Москва, Кузнецкий Мост, 1.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.